НАШ ПУТЬ

(стратегические перспективы развития России в XXI веке)

Содержание

Этническая и расовая идентификация русских

- русские как “евразийские римляне”
- синтез белой расы и желтой расы

Культурная идентификация России
- культура правды, идеализм
- культурная открытость и национальная специфика

Религиозная идентичность России

- Православие ислам, буддизм, межконфессиональные отношения
- специфика евразийской “религиозности”.

Хозяйственная (экономическая) идентичность России
- поиск общинного уклада
- этика Труда
- византийский “аграрный социализм”
- соотношение аграрного и промышленного секторов

Государственная идентичность России
- союз племен и призванный царь
- Киевское государство-нация (до святого Владимира)
- первые признаки национального мессианства
- монголо-татарское завоевание
- московский период - евразийская Византия
- Романовская Россия
- революция и СССР
- актуальный кризис государственной идеи
- логика нового витка

Социальная идентичность русского общества
- общество разных скоростей
- социальные группы и национальные сверхзадачи
- новые социальные пласты
- баланс и динамика элит

Политологическая идентификация российских партий
- карта идеологий, динамика русской политики в последнее столетие
- запаздывание в сфере политологической рефлексии

Промышленная идентификация России
- российская консервативная психология
- отставание и развал национальной промышленности
- сложности оценки состояния российской промышленности
- евразийское производство и промышленная модернизация
- модернизация без вестернизации

Кратополитическая идентификация русских
- кратополитика и Россия
- государствообразующее значение армии в русской

проблемы демографического роста
пространственная дифференциация демографических процессов

Основные тренды в сфере ресурсов XXI века
ограниченность ресурсного запаса человечества
неравномерное зональное распределение ресурсов

Основные экологические тренды XXI века
угроза экологической катастрофы
экологическая проблема в постиндустриальных обществах
экология как самостоятельная цивилизационная тенденция

Основные культурные тренды XXI века
мондиализация американизма как эрзац-культуры
феномен постмодерна
универсализм и дифференциализм в постмодерне
альтернативные культурные проекты
роль медиакратии

Основные научные тренды XXI века
синтез наук
новейшие информационные и генные технологии

Основные социальные тренды XXI века
фрагментация существующих социальных ансамблей, индивидуализм
новая социальность

Основные религиозные тренды XXI века
практический атеизм, религиозный индифферентизм
редуцированные религии
религии как социальные фасады современных обществ
фундаментализм
религиозный фактор как фактор новой самоидентификации

Основные этнические тренды XXI века
этническое смешение
универсализация, преодоление этносов
нео-этнизм как фактор новой самоидентификации

Основные кратополитические тренды XXI века
Общее
атлантизм (возможность глобальной либеральной диктатуры)
американизм
силовые стратегии “богатого Севера”
военные аспекты “нового мирового порядка”
роль разведсообщества в установлении “нового мирового порядка”
планетарный терроризм

силовая функция финансов и медиакратии
хаотические процессы
Основные юридические тренды XXI века
глобализация либерального права
концепция “прав человека”
роль международных правовых институтов
назревающий конфликт между правовой сферой и кратополитикой
грядущее планетарное право (тоталитаризм нового типа)
Основные медиакратические тренды XXI века
медиакратия как основное оружие будущего
мондиализация СМИ (средство и цель)
интерактивные сети (возможность альтернативы мондиализации)
Заключение. Будущему необходима альтернатива
“новый мировой порядок” как главная угроза России
конец истории
планетарная АЛЬТЕРНАТИВА
АЛЬТЕРНАТИВУ может формулировать и утвердить только Россия

Большой Евразийский Проект

Часть 3 РУССКИЙ ПУТЬ: альтернатива “новому мировому порядку”. Спектр национальных интересов России в новом мире.

Отправная точка проекта
Геополитический уровень: Евразийская стратегия.
утверждение евразийской цивилизации как глобальной альтернативы
многополярный мир
ложная и истинная многополюсность
евразийские стратегические союзы
минимальный проект: постсоветская интеграция
континентальный блок
Европа и Япония
цель: цивилизационное спонсирование новой реальности
Политический уровень: демократия,федерализм
демократия как альтернатива либерализму
соучастие
евразийский центризм
третий путь
евразийский федерализм

Экономический уровень: автаркия больших пространств

евразийский принцип “экономического плюрализма”
создание развитой автаркийной экономической системы
кейнсианство для Евразии, “евразийская экономическая инсуляция”
евразийские финансы
модернизация
распределение труда в рамках континентального блока
патерналистская модель
мобилизационная экономика
интеграция разных скоростей

Геоэкономический уровень: четвертая зона
четвертая зона
участие в планетарных геоэкономических процессах

Промышленный уровень: евразийская модернизация
информатизация
регионализация
создание замкнутых промышленных циклов
экологический ценз промышленных производств

Культурный уровень: евразийский синтез
сохранение многообразия культурного наследия
постмодерн Востока
новая евразийская культурология
полилог культур как субъектов
отказ от культурной нивелировки
широкий консервативный плюрализм

Социальный уровень: социально ориентированное общество
евразийский социализм
новое экологическое сознание
новое охранительство и “консервативная революция”

Юридический уровень: “права народов”
переход к концепции “прав народов”
“дифференцированная” юриспруденция
гео-правовая система
эко-правовая система

Кратополитический уровень: геополитический ценз
цивилизационные приоритеты
структура евразийских Вооруженных Сил
военные союзы
евразийское разведсообщество “нового типа”
манипулирование хаотическими процессами

НАШ ПУТЬ

(стратегические перспективы развития России в XXI веке)

РОССИЯ НА ГРАНИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(предварительные комментарии к тезисам проекта “НАШ ПУТЬ”)

Россия оказалась сегодня в сложнейшей обстановке. Мы утратили старую систему ценностей. И пока не приобрели, не выработали новую. В этом — корень наших бед, проблем, трудностей.

Мировоззрение Государства, народа, общества, нации складывается постепенно, исторически. И именно мировоззрение, нормы отношения к внешнему миру, уровень исторического самосознания, традиция, системы взглядов на основные вопросы бытия предопределяют все остальные сферы жизни. Промышленное, экономическое, культурное, социальное развитие — все это не самостоятельные феномены, но проявления на разных уровнях и в разных секторах общей мировоззренческой установки, особенной и уникальной для каждого народа, каждой цивилизации.

Без Национальной Идеи мы категорически не способны адекватно оценить ту ситуацию, в которой оказалась Россия. Мы не имеем отправной точки отсчета и не способны по этой причине ясно осознать, что и насколько у нас плохо?

Как это можно исправить? Куда следует двигаться нашему обществу? К чему стремиться? Никаких абстрактных методов оценки, отвлеченных и приемлемых для всех технологий и методологий развития, не существует. Каждый народ движется в истории по своей траектории, отстаивая свое миропонимание. Поэтому то, что хорошо для одних народов, неприменимо для других. Самобытность и проявляется в различии этических систем, культур, религиозных конфессий, правовых институтов, хозяйственных моделей.

Любой народ, любое Государство имеют Национальную Идею. Есть она и у России. Но трагизм современной ситуации состоит в том, что эта Идея пребывает *в переходной стадии смены форм*. То, как мы вплоть до последнего времени ее формулировали — через советско-марксистский идейный комплекс — более не соответствует новым реальностям. Привычная система объяснений, моделей, критериев, методов, основанных на марксизме, разрушена. Новая система, которая отвечала бы новым условиям, пока не создана, не выработана. Отсюда все трудности, все проблемы.

В этой промежуточной стадии кое у кого возникло представление о том, что Россия отныне сможет обходиться и вовсе без Национальной Идеи. В более мягкой форме, этот же нигилистический по отношению к Государству и народу тезис выражается в том, что России якобы стоит только применить к себе основы миропонимания западного мира, перенять его технологии, экономические механизмы, скопировать культурные, политические и юридические институты, и мы получимнекий суррогат Национальной Идеи, представляющий собой не что иное, как некритическую адаптацию западных либерал-капиталистических ценностей. В принципе, такой западнический подход по своей сути ничем не отличается от позиции тех, кто считает, что России вообще не нужно никакой Национальной Идеи. И в том и в другом случае, полностью, радикально, в некоторым смысле, экстремистски отрицается вся самобытность российской истории, все духовное, социальное и хозяйственное содержание нашего пути. Историческое бытие народа и Государства выступает как сплошная череда недоразумений, ошибок, преступлений, заблуждений, варварства, коварства, отсталости и жестокости. И следовательно, самобытность России предстает как нечто однозначно *отрицательное*. Именно так в общих чертах и видит Россию западный мир. Признать его точку зрения правомерной, согласиться с ней, равнозначно тому, чтобы встать на антинациональную, нигилистическую точку зрения (как, увы, сплошь и рядом происходит в некоторых секторах нашего общества).

Нигилизм в отношении национальной идеи, широко распространившийся в той ситуации, когда советская система ценностей и критериев рухнула, и на месте национального мировоззрения образовался временный вакуум, сводится к тому, чтобы перечеркнуть русскую историю, осудить ее, и начать

активно встраиваться в западный мир, перенимая его критерии, следуя его рекомендациям, осуществляя его предписания, подчиняясь его указаниям. И будущее России в таком случае ставится целиком и полностью в зависимость от того, как быстро, эффективно и точно мы сможем усвоить основы западного либерал-капиталистического мировоззрения, применить его методологии на практике и перестроить наши экономические, финансовые, социальные, политические и юридические институты по западным выкройкам. Иными словами, такой подход предполагает, что Россия должна перестать быть той, какой она была, и превратиться в нечто, не имеющее аналогов в прошлом, более того, в нечто, отвергающее собственную историческую идентичность, осуждающее свое самобытное качество.

Эта западническая позиция выдвигает свою модель оценки всего происходящего и измеряет успешность или провал реформ, исходя из того, насколько это соответствует западным образцам и отвечает ожиданиям стратегических институтов Запада.

Такое отрицательное отношение к историческому бытию России вызывает постепенно все возрастающее отторжение, неприятие широких слоев населения. По этой причине нигилисты неуклонно теряют позиции, обретенные на том этапе реформ, когда разрушение старой конструкции затмевало собой проблему нового проекта — того, ради которого жертвовали старым.

Постепенно ситуация меняется, и потребность определения Национальной Идеи становится все более насущной. Слишком много противоречий, неприемлемых, унизительных выводов, разрушительных последствий несут в себе прозападные течения. Экономика стремительно падает. Территория Государства — сокращается. Социальная защита населения сходит на нет. Спад производства и ВВП убыстряется. И все эти негативные тенденции не только не компенсируются какой-то мобилизационной, созидательной ориентацией, обращенной в будущее, но, напротив, сопровождаются ядовитой, брезгливой дискредитацией прошлого и язвительным пессимизмом в отношении перспектив общества.

Сегодня потребность в Национальной Идее ощущают практически все, кроме самых упорных западников. Но этой потребности, даже ясно осознанной (что уже немало), все же недостаточно для того, чтобы Национальная Идея появилась сама собой.

Едва ли есть в России силы и группы, способные заявить, что им досконально известны новые формулировки Национальной Идеи, отвечающей потребностям времени. Этого просто не может быть, поскольку столь масштабные проекты вырабатываются исторически, постепенно, через соучастие многих людей, групп, слоев населения. И все же любые усилия,

предпринятые в этом направлении, сегодня крайне важны. Из них рано или поздно суждено сложиться, развиться, возникнуть новому мировоззрению, которое станет путеводной звездой России, шире — Евразии, в следующем тысячелетии.

Проект “Наш Путь”представляет собой набросок к определению Национальной Идеи России. Этот проект учитывает разработки многих аналитических центров, исторических школ, политологических концепций, геополитических моделей, экономических теорий, стратегических доктрин, культурологических методологий. За каждым тезисом, каждым предложением, каждым употребленным термином стоят горы материалов, ссылки на которые составили бы отдельный увесистый том, не говоря уже о том, чтобы опубликовать сами базовые тексты. Но тем не менее, это только первые шаги, очень общий обзор той невероятно сложной реальности, которая представляет собой Россия в контексте современного мира.

Данная брошюра — тезисное изложение основных направлений объемного труда, который в настоящий момент готовится нашей исследовательской группой. По мере реализации проекта к нему подключаются новые интеллектуальные, научные силы, представители самых разных исторических, экономических, философских школ, политических партий, властных институтов, административных инстанций. Живой интерес, проявляемый к нашей работе с разных сторон — верный признак того, что потребность давно назрела, и это дело вызывает живой интерес во всех слоях нашего общества: от простых граждан до представителей крупного бизнеса, от политических лидеров до научных кругов, от военных и дипломатических академий до деятелей культуры, СМИ и т.д. Проект открыт. В наших разработках могут принять участие все желающие. Мы надеемся, что рано или поздно наша или аналогичная нашей инициатива станет поистине всенародным делом. Когда это произойдет, и в обсуждение судьбы России, нашего исторического “я” включится весь народ, мы и подойдем к определению того, что является нашей общей Национальной Идеей. А следовательно, снова пробудимся к истории, осознаем наше место в ней, снова восстановим систему оценок, критериев и приоритетов, которая позволит нам понять нас самих и окружающий нас мир.

Однако, наивно полагать, что это произойдет безболезненно и само собой. Драматизм нашей ситуации в том, что победители в “холодной войне”, страны Запада, блок НАТО не намерены спокойно наблюдать, *как Россия обретает свою Национальную Идею*, как заново осознает свою историческую миссию, как собирается с силами, чтобы утвердить суверенным могущественным жестом свой цивилизационный идеал. Запад гораздо более устроило бы, если бы Россия продолжала оставаться растерянной, сбитой с толку, конфликтующей сама с собой, противоречивой, ослабленной, демобилизованной, поглощенной изматывающей стихией самоосуждения и

самоотрицания, и при этом покорной цивилизационной указке Запада, послушной, исполнительной, опрятно покорной. Но в данном случае, мы стоим перед выбором — либо отстоять верность своему историческому пути, своему “я”, своему государственному и национальному бытию, либо бесконфликтно и покорно следовать воле западной цивилизации, претендующей на то, чтобы стать единоличным арбитром всего мира во главе пресловутого “нового мирового порядка”. Поэтому вопрос о Национальной Идее, ее формулировка, ее осознание обретает дополнительное значение — значение духовной, концептуальной борьбы за судьбу нашего народа и Государства, за наше будущее, за нашу победу.

Тезисы программы “НАШ ПУТЬ” разбиты на три равнопорядковых блока.

Первый состоит из набора определений того, *чем исторически является Россия*; в чем состоит ее особость; каковы очертания ее самобытности; где следует искать истоки ее цивилизационной миссии. Здесь проводится исследование России как полноправного, законченного цивилизационного исторического субъекта. Траектория развития национального субъекта во времени и пространстве показывает глубинную тенденцию развития России. Как всякая тенденция (“тренд” — в новейшей социальной и экономической терминологии) она имеет вероятностное продолжение в будущем. Если можно выделить некую общую ось, вокруг которой осуществляется волнообразное синусоидальное движение, то несмотря на естественные отклонения в будущем, легко определить общее направление процесса. Так и в истории: поняв в каком направлении, несмотря на все трагические колебания, развивалась Россия, к чему она исторически тянулась и что утверждала, мы приблизимся к пониманию ее сущности, а также сможем определить то, как ей следует проектировать собственное будущее. Никто не может дать однозначный ответ “Что такое Россия?” Но все же есть общий набор признаков, приблизительная система критериев, которые позволяют наметить общие контуры того, что мы понимаем под этим.

В первой части проекта мы попытались свести воедино самые убедительные, самые достоверные, объективные и взвешенные определения идентичности России, сформулированные на основании сотен оригинальных или общеизвестных источников, проработанных предварительно. Их результаты мы попытались свести воедино и представить как своего рода вершину айсберга.

Россия как историческая константа. Постоянно меняясь, развиваясь, трансформируясь, она остается в каком-то глубинном, интимном измерении одной и той же, хранит свою идентичность неприкосновенной, тщательно блюдет свое национальное, социальное, государственное, этническое, хозяйственное бытие.

Кризис предшествующей советской идеологии позволил взглянуть на эту проблему широко и свободно, без узких догматических шор. И открывшаяся картина обнаружила скрытое, завуалированное, диалектическое единство там, где ранее предполагались лишь вражда и противоречия. И белая, и красная, и автократическая, и демократическая, и национальная и интернациональная составляющие русской истории открылись как некое *единство*, как разные аспекты единой сущности, общей идентичности.

Многоплановой формулировке этой идентичности посвящена первая часть. Здесь излагается в чем состоит историческая ось национального бытия.

Второй блок проекта описывает тот контекст, который скорее всего будет доминировать в начале следующего тысячелетия. Эта часть представляет собой обзор тех тенденций, которые существуют в настоящем мире и скорее всего продолжат развиваться в мире будущем. Это сжатое изложение картины “нового мирового порядка”, который стремится утвердить в планетарном масштабе западная цивилизация. Это — т.н. “атлантистский” или “мондиалистский” проект, верстка “Единого Мира” по образцу тех моделей, которые вытекают как логическое следствие из из идентичности истории и культуры Запада.

“Новый мировой порядок” концептуально *основан на универсализации западной системы ценностей в ее современном американском варианте.* И следовательно, *утверждение* такой системы ценностей предполагает *отрицание* иных альтернативных вариантов, связанных с культурно-историческими и цивилизационными приоритетами других, незападных народов и государств. В этом будущем “новом мировом порядке”, строящемся на наших глазах, нет место России, как носительнице своей особой самобытной идентичности. России как цивилизации, как уникальному религиозному, культурному и социальному образованию. Россия в этом проекте просто отрицается, баланс нашей национальной истории признается целиком негативным.

Можно выявить в соотнесении первой и второй части проекта “НАШ ПУТЬ” диалектическое соответствие. То, чем исторически является Россия, в чем заключается ее глубинная идентичность, — все это последовательно *отрицается* в той системе мира, которая вытекает из существующего положения дел в мировом масштабе, продленного в неопределенное будущее с сохранением векторов развития основных цивилизационных тенденций. Естественным образом складывающийся “новый мировой порядок”, основанный на укреплении и развитии основополагающих тенденций (трендов) западного мира, не оставляет России *ни малейшего шанса* следовать своим суверенным путем, предполагает ее уход с исторической сцены, превращение в “черную дыру” (термин атлантистского стратега Збигнева Бжезинского применительно к России будущего).

“Новый мировой порядок” представляет собой диалектическое отрицание исторической, геополитической и цивилизационной миссии России. Это должно быть предельно ясно из той панорамы тенденций, векторов развития, концепций и обобщений, которую мы представили во второй части проекта. Даже самый поверхностный взгляд, сопоставляющий первую и вторую часть, обнаружит явно прослеживающуюся здесь симметрию — то, что утверждается в первом случае (историческая идентичность России) , отрицается во втором (“новый мировой порядок”) и наоборот.

Ретроспективно вскрытая содержательная сторона миссии России входит в прямое противоречие с вероятностным футурологическим описанием мондиалистского будущего, что порождает серьезный конфликт уже на базовом, концептуальном уровне. Идентичность России — *тезис*. “Новый мировой порядок” — *антитезис*. (Или, если угодно, наоборот).

Третья часть проекта “НАШ ПУТЬ” представляет собой наложение друг на друга двух реальностей, описанных в предыдущих блоках. Здесь делается попытка очертить основные вектора развития России, приоритеты, ценностные установки, критерии и методологии, которые призваны утвердить самобытность России в условиях “нового мирового порядка”, создать ему масштабную, планетарную альтернативу, в которой Россия не только отстояла бы свою цивилизационную суверенность и право на собственный путь, но и предоставила бы это право другим народам планеты. В третьей части самым общим образом излагаются те рекомендации и ориентиры, следуя которым Россия в будущем может сохраниться и утвердить свою идентичность, а “новый мировой порядок” — не состояться, надвигающийся образ мондиалистского будущего, представляющийся сейчас почти неизбежным, — резко измениться.

Это — третий, *синтетический* уровень диалектического рассмотрения нашего предмета исследования. Данная конструкция есть не более, чем общий и самый приблизительный обзор сложнейшей исторической и футурологической проблематики, но его дальнейшие развитие, детализация и уточнения позволят сформулировать концептуальные принципы для принятия более конкретных мер, шагов, составления программ и проведения реформ, призванных осуществить на практике основные идеи, заложенные в проекте.

Третья часть проекта есть по сути описание того, *как не дать тенденциям, описанным во второй части, реализоваться.* Это тонкий момент. Хотя мы описываем тенденции установления “нового мирового порядка” как наиболее вероятные, их вероятность в значительной (если не в решающей!) степени зависит от того, *столкнутся ли его архитекторы с серьезной цивилизационной альтернативой, исходящей из России*, или *Россия*

безропотно сойдет со сцены мировой истории и предоставит основным западоцентричным течениям развиваться свободно по внутренней логике.

Судьба России в XXI веке напрямую связана с тем, удастся ли ей вместе со всеми остальными народами, идущими своим собственным историческим путем, предотвратить установление американоцентричного “нового мирового порядка” или нет. Если удастся, то тренды, описанные во второй части нашего проекта захлебнутся, остановятся или видоизменятся. И тогда перспективы, намеченные в третьей части, станут *наиболее вероятными*. И наоборот, если “новый мировой порядок” утвердится как безальтернативная модель мироустройства России не будет в нем места, и ни о каком самобытном пути, ни о какой исторической миссии, ни о какой Национальной Идее, больше не будет и речи.

Стоя на пороге миллениума, мы находимся на перекрестке времен и эпох. Старые формы стремительно уходят, новые еще не проявили себя. В такой ситуации многое, очень многое зависит от нашей воли, нашего ума, нашей решительности, нашей проницательности.

Многое может сделать личность, осознавшая суть исторического момента и решившаяся участвовать в истории. Для этого всегда найдутся возможности.

Еще больше сможет сделать коллектив, объединяющий таких решительных людей.

А если нерв истории осознает народ, он способен сделать все.

А.Дугин

Часть 1

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ?

Преамбула

На грани тысячелетия

Россия подошла к важной *исторической черте*. Необходимо окинуть взором пройденный путь, осознать место в настоящем мире, наметить будущие стези.

Новые вызовы России, новые стратегические ориентиры, новые цели

Россия стоит перед множеством *новых исторических вызовов*. Сегодня как никогда ранее необходимо *утвердить в новой форме* приоритеты, цели, константы исторического пути России и *соотнести* их с контурами того нового мира, в котором нам предстоит жить в следующем тысячелетии.

Традиции. Основные направления развития России как Государства, народа, общества

Обращаясь к будущему, мы должны дать взвешенную оценку *нашему прошлому*. Это прошлое не раз в русской истории переписывалось в угоду той или иной правящей идеологической группе. Сегодня, когда мы вышли из *эпохи идеологий*, мы обязаны суммировать вехи нашего исторического пути по возможности объективно и беспристрастно по ту сторону идеологических предпочтений, выделяя главное и оставляя в стороне детали. Для этого сегодня есть все предпосылки, все условия. Эта свобода от неприкасаемых догм и общеобязательных клише, быть может, является *наиболее позитивным* завоеванием молодой российской демократии.

Евразийский выбор

Нет сомнения, что у России свой собственный путь. Внешние формы его постоянно меняются, подчас драматически и на прямо противоположные. Но во все эпохи прослеживается общая линия — *евразийская направленность, евразийская сущность русской истории*. Многое может быть поставлено под вопрос в рассмотрении нашего прошлого, будущего и настоящего. Но *Евразийская Идея не подлежит сомнению*. *Россия есть Евразия*, и это предопределяет ее географическое, культурное, цивилизационное, стратегическое и хозяйственное бытие.

Отстаивание особой цивилизационной миссии

Евразийская идентичность России составляет сущность нашей исторической миссии. У России есть свое представление о логике истории, о Правде мира. Поиск этой Правды и утверждение ее есть содержание национального исторического бытия. Эту Правду, верность ей отстаивали наши предки, многие поколения русских людей, россиян, клавших жизнь на алтарь Отечества. Отстаивать эту миссию мы обязаны и в дальнейшем. Это наш исторический завет.

У России есть только евразийское будущее

Наше будущее должно планироваться и строиться в соответствии с общими вехами нашей истории. Попытка свернуть с этой дороги, отказаться от предназначения чревато *прекращением нашего исторического бытия*. У России есть *либо евразийское будущее, либо никакого.*

Мы особый народ, особый мир, особое геополитическое образование

Как историческая общность (народ), как уникальный хозяйственный и социальный организм, как особое геополитическое образование — мы представляем собой *законченную самостоятельную систему*, вписанную в общий планетарный баланс цивилизаций, культур, народов, религий и государств. *Утвердить и сохранить наше многомерное своеобразие — наша главная задача.*

Преемственность цивилизационной политики и стратегии отличает мудрые народы от неразумных, зрелые государства от авантюрных

Самые различные классификации исторических периодов русской истории сходятся в том, что русский народ (будучи весьма молодым относительно большинства европейских этносов), все же *выходит из юношеского возраста*, а это характеризуется большим вниманием к своей судьбе, более зрелой взвешенной оценкой своего положения в мире. Мудрое государство думает о своем историческом предназначении, о сочетании традиций и авангардных новаторских путей больше и лучше, чем государства авантюрные, временные, преходящие. *Россия явно подошла к необходимости нового глубинного осознания своего “я”*.

Увы, Россия и ее вожди не всегда были на высоте геополитической мудрости. Это стоило нам огромных жертв.

К великому сожалению мы не получили в наследство законченной ясно сформулированной *национальной доктрины*. Не так просто различить ее черты, всматриваясь в виражи русской истории. Подчас вожди России, мыслители, идеологи, религиозные деятели, философы, люди культуры выражали свои интуиции относительно нашей судьбы в туманной подчас противоречивой форме. Сама русская история полна драм и конфликтов, кровавых репрессий и междоусобиц, смутных времен и неожиданных поворотов. Но такова история любого *великого народа* — она драматична и загадочна, часто парадоксальна. Много

раз пытались элиты *России уклониться с евразийской стези,* но всякий раз логика исторического предназначения снова возвращала страну и народ на круги своя.

Мы просто обязаны не повторять кровавых ошибок наших предков, взяв в новое тысячелетие все лучшее из нашей национальной истории.

В новых условиях лимит на грубые ошибки и резкие отступления от нашей судьбы исчерпан. Фатальность определенных ошибок, неоднократно совершавшихся нашими предками, стала очевидна. Задача наша в том, чтобы более не повторять самых грубых из них. Нам остается *принять нашу долю, осознать ее и триумфально утвердить над миром РУССКУЮ ПРАВДУ*.

АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Понятие “народ”

народ как субъект истории

Разные исторические и философские школы спорят о том, кто является, в последнем счете, субъектом истории. Этот вопрос остается открытым. Но когда мы говорим о стране, об исторической общности, о культуре, о форме специфической цивилизации мы подразумеваем, что *субъектом истории, который мы рассматриваем, является “народ”*.

Типы государственности, хозяйственные механизмы, культурные модели, идеологические надстройки меняются, сменяют друг друга и поколения. Но нечто остается постоянным сквозь все эти трансформации. Эта *постоянная величина*, живая в течении долгих веков и на обширных пространствах и есть *народ*.

Говоря и думая о России, мы думаем не столько государстве, сколько о той внутренней жизни Государства, который является народ. *Государство — лишь форма, народ — содержание.*

Сложны и многообразны, противоречивы и странны пути народа, но задача поколений утвердить себя на этих путях, разгадать их логику, проложить перспективы в будущее.

Историческая идентификация русских

- иероглиф исторического бытия народа

Русский народ прошел в своей истории огромный путь. От группы славянских племен к крупном государству Киевской Руси. От княжеской раздробленности к унитарному централизованному Московскому Царству, когда к русским примкнули многочисленные евразийские этносы — тюрки и угры.

Далее, от Московской Руси к Российской Империи Романовых, когда область русского влияния расширилась на всю северо-восточную Евразию, на Среднюю Азию и значительную часть Восточной Европы.

И наконец, при советском строе в зону русского влияния (в особой специфической форме) была вовлечена *треть мирового пространства*.

На разных этапах истории Национальная Идея русского народа *становится все более и более универсальной, всеобъемлющей, масштабной*, восходя от племенного уровня к осознанию себя мировой державой с особой планетарной миссией.

- русский путь, правдоискательство

Во все времена неизменно русский народ вдохновлялся *высоким духовным идеалом*, поиском Правды и Справедливости. Именно во имя этих возвышенных понятий терпел он многие тяготы и страдания, оправдывал скорби и притеснения. Материальный фактор был для русских всегда вторичным. *Именно поиск Вселенской Правды, а не выгоды, эффективного развития или самообогащения лежит в основе русской Национальной Идеи*. Бытовые, утилитарные ценности были для русских второстепенными. Этим определяется и православный глубоко христианский этап национального пути и даже эксцессы советского эксперимента. *Правдоискательство — судьба России*.

- онтологическое и метафизическое содержание русской истории

Сквозь многообразие русской культуры, русской мысли проглядывает *особая национальная философия*. В сердцевине этой философии лежит идея

об истинном бытии, воплощенном в некоей “параллельной Родине”, в “райской потаенной Руси”, “Руси Китежа”, “Святой Руси”. Это учение о тайной национальной святости, о богоносности русского народа и русского мира. *Эта “световая периода” национального бытия есть не данность, но задание*. То, что следует отыскать, пробудить, распознать, воскресить, освободить. Внешне эта “тайная реальность” сокрыта, замаскирована видимостью грубости, несправедливости, порока, греха, насилия, страдания. Эти две стороны национального бытия причудливо накладываются друг на друга, поэтому неистовая любовь к Родине , своего рода “мистический патриотизм” соседствует у русских с раздражением, нигилизмом, даже ненавистью к себе, к своему, к своим соплеменникам, к своей культуре, своему государству. Такой парадоксальный комплекс отношения к своему народу и своему Государству уникален. Он присущ исключительно нашему народу. Каким бы парадоксальным ни казалось такое отношение к своему национальному “я” со стороны, в нем загадка русского человека. Более того, в глубине души русские убеждены, что только такое *сложное, надрывное отношение к себе и к миру и является истинным и спасительным*. Открыть миру эту Правду призван русский народ своим предназначением.

Геополитическая идентификация

- Евразия как судьба

Геополитически Россия является Евразией, “сердцевинной землей”, “географической осью истории”. Само месторасположение (“месторазвитие”) делает ее цитаделью континентального стратегического пространства. В геополитических терминах, это означает, что Россия олицетворяет собой “цивилизацию Суши”.

- цивилизация Суши

Цивилизация Суши отличается от цивилизации Моря целым рядом признаков и характерных черт. В истории цивилизации Суши имели различные формы — от Спарты и Рима до Константинополя и Третьего

Рима, Москвы. По мере исторического развития *цивилизации Суши тяготели к тому, чтобы приблизиться к географическим очертаниям евразийского материка.* (Параллельно тому, как цивилизация Моря постепенно отождествлялась с англосаксонским миром, а в последние десятилетия с США). Россия самой географией поставлена в центр континентального массива и не имеет иной перспективы *как служить осью консолидации всех держав, цивилизаций и культур, имеющих континентальный, сухопутный, евразийский характер.*

Геополитическая наука противопоставляет цивилизации Суши иную, оппозиционную цивилизацию — цивилизацию Морю, ведущую свою морскую историю от Карфагена, Венеции, Голландии, Великобритании к США и современному Северо-Атлантическому Альянсу. Географическая предопределенность привела к тому, что оплотом цивилизации Моря стал Мировой Остров, США, увенчавший своим “морским могуществом” англосаксонскую миссию Великобритании, чью эстафету США постепенно перехватили.

Тождественность России и континентальной цивилизации Суши в геополитической модели мира делает ее заведомо обреченной на цивилизационное противостояние с геополитическим лагерем морского могущества. Это геополитическое противостояние фрагментарно прослеживается с самых ранних периодов русской истории и достигает своего апогея в романовской России, жесткой соперницы Англии в позиционной борьбе за проливы и особенно в “холодной войне” между СССР и США.

География, геополитика предопределяют русскую историю. География — судьба России.

- континентальная специфика России

Евразийский характер России предопределяет ее центральное место в континентальном ансамбле. В стратегическом смысле России *суждено быть ядром континентального евразийского блока*, системы государств, объединенных общей структурой безопасности.

Свой континентальный масштаб Россия реализовывала постепенно, расширяя на разных этапах своей истории масштабность подконтрольных центру евразийских территорий. И имперский, и советский периоды характеризовались неуклонным ростом

пространственного объема русских земель, тяготея к достижению границ самого евразийского континента. За каждым отступлением от этого правила следовал новый пространственный рывок, сопровождавшийся новым, более универсальным осознанием народом своей миссии. Континентальное объединение, складывание вокруг России континентального блока проходило в разные времена под разными знаменами: как присоединение земель к Российскому Государству, как завоевания смежных территорий, как колонизация неосвоенных пространств, как добровольное объединение с дружественными державами, как стратегический союз соседних государств, как общность режимов со сходными идеологическими ориентациями. Но геополитическое содержание оставалось одним и тем же — *Россия неуклонно шла к организации континентального блока.*

Этническая идентичность русских

- русские как синтетический этнос имперского типа, “евразийские римляне”

Относительно происхождения русских существует много гипотез. Несомненно одно — *это преимущественно славянский индоевропейский народ со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт.* Русские — и особенно великороссы — формировались изначально именно *как евразийский этнос*, универсально объединяющей в себе черты различных племен, населявших северо-восточную Евразию. Сочетание *оседлых* (собственно славянских) и *кочевых* (преимущественно тюркских) черт составили уникальный национальный тип, в котором сложным образом *перемешалась динамичность и созерцательность, консерватизм и подвижность, почитание власти и стремление к воле*. Этот обобщающий, вселенский идеал является ключом к пониманию особой национальной психологии русских. Русские — своего рода “евразийские римляне”, осевой имперский государствообразующий, шире цивилизационный, народ, а не просто локальный этнос.

Расовая идентификация русских

- расовый синтез белой (славяно-индоевропейская) и желтой расы (тюркско-угорская)

Русские являются народом, сформировавшимся на основе не только *этнического*, но и *расового* смешения. Славяне и тюрки принадлежат к различным расовым и языковым группам. Условно к белой и к желтой расам. Этот фактор усиливает интегрирующий потенциал великороссов, подчеркивает и усугубляет их объединяющую, имперскую, евразийскую психологию.

Культурная идентификация России

- культура правды, идеализм,

Культурные формы народного бытия менялись с веками. Но всегда сохранялась постоянной идея *общества Справедливости и Добра*. Культурной особенностью русских традиционно является стремление к высокому идеалу и некоторое пренебрежение сферой материальных благ. Повышенное чувство идеализма и вселенского масштаба отличают самые разные этапы русской истории. Идеал жертвенности осмысляется вначале в христианских терминах, как особая ответственность русских за вверенную им Христианскую Традицию. В советский период тот же русский идеализм осмысляется секуляризировано, как этика героического служения принципу социальной справедливости и всеобщего равенства. Характерно, что основные коллизии русской истории проходили не между сторонниками идеалистических систем и прагматиками, но почти исключительно *между двумя идеалистическими лагерями*, по разному и с разной степенью интенсивности защищавшими *идеалистические*, иногда даже утопические модели, по разному выраженные и сформулированные.

-культурная открытость и национальная специфика

Культурный стиль русских на всем протяжении истории характеризуется динамичным

переосмыслением в национальном ключе эстетических и стилевых элементов, заимствованных в иных культурных контекстах, их творческой и оригинальной переработкой, искусной инкрустацией в особый специфически русский контекст. Свобода творческой адаптации и ассимиляции заимствованных ценностных рядов, учений и символов обнаруживает открытость русских к окружающему их этническому многообразию. Верность своему собственному национальному началу, стилизующему любое заимствование в уникальное и неповторимое характерно русское произведение, напротив, показывает *постоянство культурного типа*, его национальную специфику и устойчивость.

Религиозная идентичность России

- Православие

Последние 1000 лет русские исповедуют Православную веру. Наш народ сформировался духовно именно в лоне Православной Церкви, воспринял миссию христианской Веры. Вначале с X века по XV век Русь была частью Византийской эйкумены, входила в состав восточно-христианского мира с центром в Константинополе (Царьграде). После отказа от признания Флорентийской Унии, заключенной греками с Ватиканом и последовавшего вскоре за этим падением Царьграда *Русь сама стала центром всемирного Православия*, взяв на себя роль *последней Православной державы, православного Царства*. Так продолжалось весь Московский период, в середине которого было установлено на Руси Патриаршество. Никоновские реформы, печальные события церковного собора 1666-67 г. и последующий раскол пошатнули стройное здание Русской Церкви. Но и в дальнейшие эпохи (даже во времена открытых гонений на Церковь в советский период) русские оставались глубоко *православным народом*.

Православная Вера глубоко проникла в национальную психологию русских, сформировала особый культурный тип, который пережил и периоды охлаждения и формализации Церкви в века романовского правления и даже атеистические гонения. Устойчивость и постоянство “православной психологии”, не исчезнувшей за период скрытой или явной секуляризации, облегчили возврат в лоно Церкви на современном этапе. В этом состоит залог

общероссийского возрождения в лоне Православия и в грядущие периоды.

Православная идентичность русских затрагивает не только конфессиональную область, но и более широкий культурный тип *византизма*, который привился на Руси параллельно ее воцерковлению. Сам стиль русского религиозного сознания до сих пор сохраняет в себе черты “византизма”, во многом утраченные и греками, и православными балканскими народами, много веков, пребывавшими под турецким, мусульманским владычеством.

- ислам, буддизм, межконфессиональные отношения

Многие народы России исповедуют иные религии, более всего это ислам, широко распространенный на Кавказе, а также в Поволжье среди татар и башкир. Несмотря на определенные исторические коллизии, носившие более политический и территориальный, нежели конфессиональный характер, между Православием и исламом в северо-восточной Евразии *серьезных конфликтов никогда не было*. Не существовало даже намека на религиозные войны, которые были характерны для Европы. В межконфессиональных отношениях православных с представителями иных религий традиционно установились гармония и взаимное уважение. То же самое касается и буддизма.

- специфика евразийской “религиозности”.

Православная Русь отличалась значительной веротерпимостью. Представители Православия, как официального вероисповедания России мирно уживались с мусульманами и буддистами. Более того, правомочно говорить об общем *едином типе восточной евразийской религиозности*, который сближает представителей конфессий России, при том, что догматически существенные различия сохраняются. Отсутствие религиозных войн в случае России объясняется не столько “прохладой веры” (напротив, мы сплошь и рядом встречаем в русской истории чудеса подвижничества и святости), сколько созерцательной ориентацией евразийской религиозности, сосредоточенной на идеалистических реальностях, а не на земном социальном

благоустройстве.

Хозяйственная (экономическая) идентичность России

- поиск общинного уклада

В сфере экономики Россия имеет ярко выраженную специфику. Проходя последовательно фазы экономических формаций, русский народ интуитивно тяготел *к разнообразным формам общинного хозяйствования* и, напротив, всячески противился “экономическому индивидуализму”, “торговой этике”, свойственным большинству европейских и особенно протестантских государств.

Общинность (в разных формах) была характерна и для Киевского периода, и для Московской Руси и для советского строя. То, что при социализме воспринималось как чисто экономическая модель коллективистского устройства общества и организации труда и распределения, на иных этапах связывалось либо с рудиментами племенного хозяйствования (Киевская Русь) , либо с концепцией “тяглового государства” (Московская Русь). Даже в периоды отклонения от общинной этики (период феодальной раздробленности, татарского ига, романовский период) народные массы тяготели (часто в форме параллельной идеологии) к общине и коллективному ведению хозяйства.

Общинность следует признать отличительной чертой русского народа в его экономическом аспекте.

- этика Труда

В русском народе в течение веков развилась самостоятельная *этика Труда,* рассматривающая сам *трудовой процесс как духовное, социальное, нравственное подвижничество*, осознанное как самоцель. Не материальная необходимость, не извлечение прибыли и сверхприбыли лежит в основе такого национального отношения к Труду, но исполнение нравственного долга, созидательное усилие, оправданное самим фактом своего наличия. Этика Труда в народном сознании противостоит *принципу эксплуатации, наживы, торговой этике личного процветания в ущерб остальным членам общества*. Отсюда моральное превосходство

производительного сектора над торговым, сакрализация трудового процесса и десакрализация прибыли, процента и т.д.

- византийский “аграрный социализм”

Хозяйственные практики русского народа во многом *наследуют аграрный строй византийской экономической модели*, где общинное владение землей на законодательном уровне поощрялось и поддерживалось в ущерб частному владению ей аристократией и чиновничеством, ленному принципу и системе земельной ренты. Этот византийский “аграрный социализм” был заменен классическим феодальным отношением к земле только после завоевания Константинополя крестоносцами и распространения в Византии западного влияния как в политической, так и в хозяйственной сферах. На Руси та же модель сохранялась гораздо дольше и была отменена лишь в период неофеодальных западнических реформ Петра. В народной среде этот принцип аграрного общинного хозяйства сохранялся вплоть до XX века, как дань многовековой хозяйственной традиции, как псхилогическая и этическая константа. Искаженная версия этой древней тенденции проявилась в процессе коллективизации деревни в 30-е годы нашего столетия.

- соотношение аграрного и промышленного секторов

Тот факт, что на протяжении многих столетий Россия была *аграрной страной*, наложил неизгладимый отпечаток на трудовую психологию русских. С крестьянским трудом связано представление о “благородном труде”, о прямом соучастии в общенародном литургическом делании, где экономический чисто *хозяйственный и материальный* аспект (производство продуктов питания) сочетался с исполнением *социальной миссии* (тягловое государство) и *духовного подвижничества* (религиозный аспект). Крестьянский труд сформировал национальную психологию русских и в огромной мере предопределил специфику русского пролетариата, который в отличие от обществ Запада, так и не сложился в самостоятельный социальный класс, полностью оторванный от культурных корней и

отчужденный от национальных традиций. Даже насильственная индустриализация советского периода не смогла вытравить в народе, в рабочем классе *основы крестьянской психологии*. Вне догматического марксистского контекста, который вынужден был фальсифицировать положение дел ради формального совпадения реальности с абстрактными теоретическими доктринами, такая традиционность и устойчивость психологического типа российских тружеников не несет в себе ничего специфически отрицательного.

Ориентация Советского Государства на приоритетное развитие именно промышленного производства и рабочего класса в ущерб крестьянству шла жестко против основной исторической тенденции русского хозяйственного уклада, и хотя это было отчасти обусловлено сложной геополитической ситуацией СССР, в целом оказалось губительным для общества и хозяйства. Деградация деревни, люмпенизация сельских жителей и отрыв от традиционной культурной среды масс, задействованных в промышленном производстве и сосредоточенных в промзонах и мегаполисах, породили отрицательные социальные мутации, нарушили органичные вековые модели трудовых циклов, естественной смены поколений и эволюционного развития хозяйственной системы России.

Наиболее продуктивной в этой ситуации была бы планомерная аграрная политика, восстанавливающая в исторических правах сельскохозяйственный сектор, отдающая дань парадигматической для русской экономической истории фигуре Крестьянина, Труженика, Кормильца. При этом стирание различий между городом и деревней должно проходить в смысле психологического возврата российского пролетариата к его крестьянским корням, а не наоборот — не в смысле окончательной пролетаризации последних остатков крестьянского населения.

Государственная идентичность России

- союз племен и призванный царь

Фундамент русской государственности заложен объединением восточнославянских (и нескольких угорских) племен под началом князя Рюрика. С описания призвания на царство начинаются известные нам древнерусские хроники. Это — первый этап образования русской государственности,

представляющей собой добровольный (федеральный) альянс нескольких этнических групп, принявших решение о необходимости социальной консолидации и введения монархического (княжеского) единоначалия для регламентации и упорядочивания племенного бытия. Показательно, что первый аккорд политической истории русских как нации уже демонстрирует осознание необходимости интеграции и политическую волю к ней, выраженную в эпохальном послании к Рюрику. Как бы ни относиться к редакции рассказанного в летописи события, показательно, что этот сюжет является архетипическим для государственнического сознания русских: *интеграция и консолидация племен плюс единоначалие* воспринимаются как порядкообразующий, глубоко положительный акт политической истории, как закладывание основ всего последующего развития нации. Фактически это и есть политическое рождение русских как нации.

- Киевское государство-нация (до святого Владимира)

Политическое объединение восточных славян вокруг Рюрика на следующем этапе приводит к созданию первой версии русского централизованного Государства-Нации, Киевской Руси. На этом этапе происходит формирование централистской системы, экономического и фискального контроля, складываются первые подобия классов (знати, купцов и простолюдинов). Киевская Русь в ее дохристианском периоде по принципиальным характеристикам не значительно отличается от современных ей государственных образований Восточной Европы. Крупные города имеют значительную долю независимости. Но наряду с практическим полицентризмом намечаются тенденции к сосредоточению у киевского правителя нитей власти, распространяющейся на все Государство.

- первые признаки национального мессианства и раздробленность

Принятие Православия святым князем Владимиром усиливает русскую Государственность наличием конфессионального единства, сменившего расплывчатую многообразную языческую модель (дифференцированную не только по линии

норманнские культы знати и более архаические культы славян простолюдинов, но и на горизонтальном уровне в зависимости от племенного контекста). Русские начинают осознавать себя как православное Царство, как Церковь и как Народ. Высокий образец исторического осознания национальной и религиозной оригинальности русских встречаем у митрополита Киевского Иллариона. В этот период — от святого Владимира до татарского нашествия — Киевская Русь активно впитывает в себя византизм как в религиозном, так и в политическом смысле. Параллельно закладываются первые основания учения об особом мессианском предназначении русских и Русского Государства, как “последних”, кто принял святое крещение, и которым, по этой причине, суждено стать “первыми” в деле спасения мира.

Постепенно киевский централизм расшатывается княжескими усобицами, феодальным распадом государственности. Налицо кризис государственной идентичности.

- монголо-татарское завоевание

Раздробленное позднекиевское Государство не способно выдержать столкновения с лавинообразно нарождающейся сухопутной строго евразийской кочевой империей Чингисхана и его потомков. Монголо-татарское нашествие разоряет Киевскую Русь, включает ее отдельные разрозненные фрагменты в свою имперскую систему. Сами русские осознают катастрофу *как плату за утрату национального единства*. За годы тесного контакта с татарами русские перенимают от них *централистскую административную модель*, агрессивную территориальную интеграционистскую динамику, геополитическую миссию объединения земель Евразии. Народное самосознание делает из многовековой трагедии самый серьезный вывод.

- московский период - евразийская Византия

Ослабление и внутренний распад татарской империи позволяет русским восстановить свою независимость. Начинается новый этап русской Государственности,

Московская Русь. Параллельно отвоевыванию независимости происходит падение Константинополя, и Православная Русь остается последним православным царством, сохранившим от византийской реальности Церковь и Веру, и обладающим политической самостоятельностью, мощной царской властью. Московское Царство основано на жестком административном централизме, сочетающим византийские политические механизмы с татарской организацией, на имперском принципе включения в свою орбиту влияния все возрастающего числа территорий, на новом витке осознании русскими уникальной миссии Государства и народа, которые становятся носителями *исторического предназначения*. Царьград падает. Москва стоит и укрепляется. рождается концепция Москвы-Третьего Рима. Государственность и Царская власть в сочетании с избранничеством благочестивого народа, преданного древней непорченой Вере создают в окончательной форме *русскую мессианскую идею*. Предшествующие периоды истории осознаются как преддверие Московского Царства. Последующие этапы будут восприниматься как развитие (или искажение) самого триумфального периода, когда складывается представление о *Святой Руси*, особой *богоизбранной стране* и о русском народе как о *богоносце*.

- Романовская Россия

Мировоззренческий синтез Московской Руси, пик расцвета национальной государственнической идеологии русских во всем ее богословском и эсхатологическом объеме сменяется секуляризированной светской моделью после драматических событий раскола. Государственная идея меняет свое оформление от Святой Московской Руси к светской Санкт-Петербургской России. Но основной имперский импульс государственности в целом сохраняется, проникновение в глубь Евразии идет полным ходом. Россия в обратном направлении проделывает путь Чингисхана и интегрирует под своим началом гигантские территориальные ансамбли. Единовластие и централизм поддерживают в нации политическое единство, хотя официальное самосознание русских отныне формулируется в европейских терминах, утрачивая специфичность московского духовно-политического синтеза.

- революция и СССР

Ослабление и внутренний идеологический кризис романовского режима требует новой формулировки государственной и национальной идеи. Это место занимают *русские марксисты*, которые совместно с другими социалистическими и народническими партиями свергают монархию и постепенно устанавливают однопартийную диктатуру. Не смотря на то, что марксизм в теории отвергает государство, религию и нацию, большевики (путем колоссальных жертв) превращают Россию в огромное мощное Государство, утверждающее свой идеологический и политический суверенитет перед лицом враждебного западного противника. Универсализм московского государства религиозного Спасения через романовскую светскую державу трансформируется в Советский Союз, государство нового типа, формально основанное на марксистских догматах, а на практике на новом этапе реализующее изначальную русскую мечту о Государстве Правды, спасительном единстве, универсальной миссии народа.

- актуальный кризис государственной идеи

Период советской государственности закончился приблизительно также, как и другие циклы русской истории: отчуждение, чрезмерная бюрократизация, утрата жизненного стимула и идеологической энергетики привели к распаду, разложению, утрате исторической воли. Содержательная мобилизационная сторона Советской Государственности перестала быть очевидной. Старые формулировки перестали действовать. Настоящий кризис государственности усугубляется еще и тем, что альтернативные западные цивилизационные структуры предчувствуют свой кажущийся близким окончательный триумф и оказывают на современную растерянную Россию серьезное давление, стремясь максимально использовать кризис государственной идентичности русских для того, чтобы *навсегда упразднить геополитические предпосылки для ее грядущего возрождения* на новом качественно более высоком уровне, что предопределено самой исторической логикой циклического развития государственного самосознания.

- логика нового витка

Рассмотрение развития русской государственной идеи в череде циклов (каждый из которых заканчивается катастрофой, чтобы очистить место для нового еще более универсального витка) убеждает, что всякий раз, когда Россия преодолевает кризис национального и государственного самосознания, новая формулировка ее государственной идеи становится еще более универсальной и масштабной, нежели предыдущая. Вероятно, та же закономерность повторится и в будущем, когда народ преодолеет кризисный период, связанный с распадом советской государственности. Это наблюдение прекрасно гармонирует с геополитическим подходом, утверждающим *неизбежность нового евразийского велико-континентального этапа русской истории*, когда традиционное для русских расширение масштабов исторической миссии своего государства дойдет до самых последних пределов. Иными словами, следующий по логике вещей этап государственного утверждения России должен стать эпохой *создания геополитического Евразийского Государства планетарного объема*.

Но такой исход не гарантирован. Не смотря на то, что он предполагается узором исторических циклов, его реализация зависит от воли, мужества и ума тех, кому вверена судьба России в столь сложный для нее, переломный момент.

Социальная идентичность русского общества

- общество разных скоростей

В социальной истории русского народа выделяется то обстоятельство, что его общественные составляющие развиваются *в неодинаковом ритме*. Так как геополитическое развитие России предполагает исторически *все большее и большее расширение*, включение в себя разных культурных, этнических и религиозных общностей, то естественным образом возникает разнородная, разноскоростная социальная картина. Определенные сектора общества живут в одной культурно-хозяйственной фазе, другие — в другой и т.д. Попытка всеобщей унификации

социального уровня при СССР, не смотря на радикальность предпринятых мер, не достигла результата. Многообразие социальной организации различных секторов России является ее специфической чертой, продиктованной ориентацией ее пространственного развития.

- социальные группы и национальные сверхзадачи

На протяжении всей русской истории основными социальными группами были *крестьяне, городские и сельские ремесленники* (позже развившиеся в пролетариат), *управленческий и военный класс* (знать, чиновничество) и *клир*. В наиболее гармоничные периоды русской истории эти группы осознавали свою органическую связь, *соучастие в общем национальном проекте*, имеющем производительное, административное, государственное и церковное измерение. Неизбежные социальные коллизии и противоречия уравновешивались острым сознанием органического единства всех слоев общества перед лицом религиозно-государственной, общенародной сверхзадачи. На разных этапах истории эта сверхзадача формулировалась по-разному, но ее неизменное наличие (в той или иной форме) служило общим знаменателем для достижения социального согласия и общенациональной солидарности.

В Киевский период речь шла об общности государственного толка. В Московский период к ней добавилась мессианская идея мирового спасения (Москва-Третий Рим). После Петра лояльность обеспечивалась обращением к "светской империи". В советский период сверхидея формулировалась как отождествление Москвы с колыбелью мировой революции, а социалистического общества с самой справедливой политической и экономической системой.

Именно этот идеал служил общим знаменателем в деле социальной стабильности, выступал в критические моменты как последний аргумент, мобилизующий все социальные слои населения на солидарные действия по сопротивлению внешней опасности и государственному созиданию.

Эти социальные типы или их более современные аналоги — крестьяне, рабочие, управленцы и клир (в советский период на его месте находились партийные теоретики и политкомиссары) — сохранились и сегодня. Их гармонизация, непротиворечивое

солидарное сотрудничество как и на предыдущих этапах национальной истории может быть достигнуто лишь путем к *сформулированной заново исторической сверхзадачи.*

- новые социальные пласты

В последние столетия в социальной картине России произошли стремительные изменения, и баланс традиционных социальных групп резко изменился. К основным группам (*крестьяне, рабочие, управленцы, клирики*/*партийцы* в советское время) добавились новые типы: научная и культурная *интеллигенция* (в последнее время внутри нее выделилась в самостоятельную систему *медиакратическая прослойка*); *молодежь*, как самостоятельный социальный ансамбль, не относящийся не к одной традиционной социальной категории; *этно-социальные образования*, чья специфика настолько акцентирована, что не поддается кодификации в рамках обычных социальных моделей. Кроме того, есть определенная тенденция по возвращению на первые роли в обществе тех типов, которые были либо маргинализованы, либо вытеснены на предыдущих этапах истории — это *крупные частные предприниматели и священство*. Эти две последние категории тяготеют к вхождению в социальную группу *управленцев*, но с сохранением своей специфики.

Интеллигенция, молодежь и некоторые этно-социальные ансамбли представляют собой крайне подвижные и нефиксированные социальные пласты, способный к своей автономной социальной стратегии, к навязыванию другим более традиционным общественным пластам новаторских доктрин. Эта среда является питательной для различных *революционных проектов*, экстравагантных или экстремистских замыслов и стратегий. Здесь сосредоточен наибольший процент пассионарных активных личностей, свободных от строгих социальных рамок традиционного образца.

Основные общественные потрясения созревают, вынашиваются в этой среде. Это не значит, что интеллигенция, молодежь и некоторые этнические образования представляют собой “революционный класс”. Это значит лишь, что здесь мы имеем дело с наименее устойчивой и предсказуемой, но при этом наиболее деятельной и влиятельной частью российского общества. Это питательная среда для *контр-элиты* и социальная матрица, в которой зреют наиболее смелые (созидательные или разрушительные)

социальные проекты. Во всех революционных событиях в России эта подвижная социальная прослойка играла едва ли не *решающую* роль.

- баланс и динамика элит

В российском обществе как и в любом другом происходит периодическая (циклическая) *смена правящих элит*. Так как любая элитная правящая группа заинтересована в укреплении своего положения, в передаче властной эстафеты определенным близким кланам и кругам, рано или поздно в обществе складывается ситуация, когда сохранение старой элиты у власти катастрофически тормозит основные социальные и политические процессы. В таких условиях на периферии общества (или в некоторых второстепенных эшелонах власти, настроенных оппозиционно к существующим лидерам) формируется *контр-элита*, стремящаяся под эгидой новых моделей и новых лозунгов сменить правящую группировку.

В русской истории это происходило как через систему дворцовых переворотов, религиозных потрясений, народных бунтов, наконец, политических революций. Консервативная и в целом крайне стабильная, традиционалистская психология русского народа препятствовала тому, чтобы ротация элит проходила часто и агрессивно, и массовой поддержки контр-элиты как правило не получали. Но на уровне верхушечных переворотов, цареубийств и тираноцида тем не менее ротация элит осуществлялась регулярно.

В октябрьскую революцию ротация элит произошла самым жестким и тотальным образом, и замена правящего слоя осуществилась в беспрецедентном масштабе.

Ротацией элит объясняются и многие события социальной истории советского государства, т.н. “сталинские чистки”, а также новейшие реформы пост-советского периода. Сам процесс ротации элит, их динамического циркулирования не несет в себе идеологического, мировоззренческого компонента. Идеология контр-элиты как правило формируется на основании идейных колмплексов альтернативных по отношению к доминирующей системе ценностей.

Социальный состав контр-элиты (пассионериев, отлученных в силу различных причин от власти) бывает различным и неоднородным, но мировоззренческие системы, под знаком которых они выступают против старых элит, в последние века

неизменно вырабатываются в социальной прослойке интеллигенции.

Процесс ротации элит не может быть декретным образом отменен, и следует признать его исторической константой социального устройства. В России эта общая социальная тенденция проявлялась очень наглядно и драматически.

Политологическая идентификация российских партий

- карта идеологий, динамика русской политики в последнее столетие

Политическая карта России отличается от европейских стандартов тем, что партийное разнообразие в нормальном случае исходит из признания общей платформы — *евразийского пути*, который является *общим знаменателем* самых разных мировоззренческих вариантов. Евразийство является идеологическолй константой России, своего рода *абсолютным центром*, вокруг которого происходит формирование флангов и нюансированных мировоззренческих вариантов. В этом существенное отличие российской политики от западных моделей, где роль абсолютного центра играет *атлантистская идеология*, вокруг которой, в свою очередь, формируются партийные и политические фланги.

В России и белые (правые), и красные (левые) исторически *действовали в одном и том же геополитическом ключе*, по-разному реализуя основные постулаты евразийства — *универсализм, расширение континентального влияния, создание стратегически единой и культурно дифференцированной имперской модели*.

На примере эволюции левой, прогрессисткой, антигосударственной идеологии марксизма на русской почве наглядно заметно действие этого политологического закона. Формально западная, антинациональная, атеистическая идеология большевиков на практике усиливает русскую государственность, пусть временно, но добивается беспрецедентной территориальной экспансии и огромного планетарного влияния.

Евразийская природа русской политики предполагает ограничение регистра возможных политических позиций. Этот регистр меняется от патриотического либерализма (правые) до патриотического социализма (левые). При этом те фланги, где идеологическая инерция уводит за грани евразийского контекста в

сторону атлантистских формул, крайне не устойчивы и исторически лишь провоцируют катастрофические явления *революционного порядка*, которые как правило заканчиваются установлением более последовательной мировоззренческой евразийской модели.

В самом общем смысле политической идентификацией русских является *евразийство,* понятое не как политическая или идеологическая платформа, но как общий исторический знаменатель, свойственный всем устойчивым политическим конструкциям.

Такая поправка на евразийство при характеристике политического спектра России легко объясняет те парадоксы, которые в противном случае остаются неразрешимыми загадками.

- запаздывание в сфере политологической рефлексии

Особенностью русского политического и политологического сознания является внутренне противоречие между *самобытностью русского пути*, специфичностью национальных установок и задач, тем *категориальным аппаратом*, почерпнутым преимущественно из *западных* источников, с помощью которого этот путь осмыслялся и формулировался. Эта особенно ярко проявилось после окончания Московского периода русской истории, когда догматические обоснования русской государственной, церковной и национальной самобытности были отставлены на второй план. С этого времени политическая мысль всех секторов общества — и политических элит, и народной оппозиции вынуждено оперировала с политологическими системами и методологиями Запада. Такая неадекватность приводила к катастрофическим последствиям, к расколу в национальном самосознании, к утверждении неснимаемых противоречий и гражданских войн там, где речь шла всего лишь о не корректных политических формулировках, заимствованных из совершенно чуждой социально-исторической среды с качественно иной политической историей.

Евразийская специфика осевой линии русской политики была на протяжении долгих веков скрыта под оппозицией противоположных, но одинаково некорректных политических заимствованных формулировок, с помощью которых пытались утвердить свои позиции различные силы российского общества. Реальная политологическая рефлексия,

отдающая себе отчет в неадекватности манипулирования с европейским политологическим аппаратом, либо запаздывала, либо оставалась на периферии политического внимания. По этой причине царские реформы, направленные в народном национальном ключе, никогда не доводились до конца, а в советский период проницательная и адекватная историческая политология евразийцев и национал-большевиков не смогла привить советскому руководству понятийный аппарат, который избавил бы их от концептуальных противоречий между государственной, патриотической, евразийской геополитической ориентацией и отвлеченной догматикой марксизма, предполагающей отмирание государств, и чисто количественный интернационализм.

Этот момент запаздывания политологической рефлексии относительно того, что является осевой, базовой, векторной составляющей специфической политической истории России — т.е. *сочетание левой экономики с правой политикой* — должен быть преодолен, так как невнимание к этому вопросу чревато новыми социальными и политическими катастрофами.

Промышленная идентификация России

- российская консервативная психология как фактор, препятствующий техническому прогрессу

Промышленное развитие России имеет драматическую историю, связанную с *идеалистической созерцательной ориентацией* русского народа. Промышленные рывки исторически осуществлялись принудительно, путем жесткой мобилизации и в основном под воздействием соображений конкуренции с индустриально развивающимся Западом. Промышленное развитие России имело изначально “ответный” характер, было обусловлено цивилизационным трением с западным соседом. По этой причине это направление не связывается в национальной психологии с самодостаточной ценностью, как на Западе.

Такое “принудительное” отношение к техническому прогрессу не распространяется на стихию труда, которая напротив является национальной этической ценностью. Представление о труде как самостоятельном и духовном процессе, превосходящем соображения материального вознаграждения или иного результата характеризирует

трудовую психологию русских. И наоборот, рыночные, торговые сектора носят традиционно скорее отрицательный оттенок.

Эти национальные особенности необходимо учитывать самым серьезным образом, и в проекты промышленного развития необходимо заведомо закладывать механизмы, компенсирующие вытекающие из этого противоречия, трения и психологическое сопротивление.

- отставание и развал национальной промышленности на пороге нового тысячелетия

Современная российская промышленность создавалась в условиях социалистического способа хозяйствования, путем предельной мобилизации и колоссальных жертв. Жесткость этого процесса во многом обуславливалась догматическим характером марксистской идеологии, но во многом и национальной психологией русских (о чем выше). Индустриальный рывок был заложен в 30-е годы и все последующее развитие в целом сохраняло траекторию этого жесткого толчка. Поддерживался этот процесс традиционной для России конфронтацией с внешним противником (в данном случае “капиталистическим Западом”).

Поэтому кризис развития российской (советской) промышленности совпал с *угасанием импульса сталинской индустриализации* и *ослаблением конфронтационного сознания* на рубеже 70-80-х годов.

В настоящий момент состояние российской промышленности катастрофично. Но такое положение является не причиной ослабления геополитической мощи Государства, но следствием утраты цивилизационного, геополитического осознания собственного пути. Динамика развития национальной промышленности есть производная от ясно сформулированного геополитического и цивилизационного курса (а не наоборот).

-сложности оценки современного состояния российской промышленности (неадекватность привычных критериев индустриального общества)

Показатели состояния промышленного развития в настоящий момент находятся в состоянии динамического изменения. Это обусловлено тем, что в

мировом масштабе и особенно в странах Запада протекает процесс перехода от индустриального общества, где промышленные показатели (ВВП и т.д.)играли главенствующую роль в определении экономического статуса Государства, к постиндустриальному обществу, где основные показатели смещаются в чисто финансовую сферу (фондовые рынки, электронные биржи) и в область высоких технологий информационного типа. В такой ситуации чрезвычайно трудно определить шкалу, в соответствии с которой следует определять индексы промышленного развития России в настоящее время. Одни критерии устарели, другие еще не оформились окончательно.

Сокращение реального сектора производства в общенациональном масштабе не обязательно является сугубо *отрицательным* явлением и показателем промышленной деградации. Точно также не является последним критерием и падение ВВП. Эти оценки соответствуют индустриальной стадии, которая стремительно отходит в прошлое. Развитие высоких технологий и адекватная финансово-кредитная политика могут в значительной мере компенсировать деградацию реального сектора экономики, особенно если учесть, что целый ряд производств представляет собой явно анахроничное явление и не имеет места в новых технологических циклах.

- евразийское производство и промышленная модернизация

Индустриализация была для России исторически *вынужденной мерой*, ее процесс осуществлялся ценой невероятных жертв. Развитие промышленного производства в России является лишь эпизодом ее социально-экономического развития. В общем контексте национальной истории это не осознается народом как основная линия развития, предмет особой гордости. По этой же причине России будет легче вступить в постиндустриальную эпоху, где инновационные технологии, информатизация, экологические проекты и поиски новых видов энергии будут играть центральную роль.

Евразийское общество плюрально во всех смыслах, и на уровне промышленного развития целесообразно отказаться от унификации и запоздалой индустриализации, а также от поддержания малоэффективных промышленных предприятий в целях решения социальной ситуации. Это контр-продуктивный подход. Имеет смысл, напротив,

приоритетно поощрять традиционные виды хозяйственной деятельности — аграрный сектор, ремесла и т.д. с одной стороны, а с другой, сделать акцент на информатизации и развитии стратегических областей производства и внедрении там высоких технологий при целевой поддержке Государства.

Вопрос о приоритетах и специализированной поддержке промышленного сектора должен решаться не на основании производственной эффективности или коммерческой прибыльности данного предприятия (так как этот метод крайне не надежен и относителен), и не исходя из намерения любой ценой сохранить существующие промышленные единицы (этот приведет к перерасходам бюджетных средств), но на объективно взвешенной оценке *стратегической роли данного производства в системе евразийской промышленности*. Такой подход заведомо ориентирован на приоритетную поддержку со стороны Государства предприятиям ВПК и другим отраслям, от которых напрямую зависит *геополитический суверенитет России*. В остальных же сферах должны применяться более гибкие критерии.

В любом случае технологические методики и системы патентов в постиндустриальном обществе играют настолько важную роль, что от адекватного развития высоких технологий уровень промышленного производства зависит намного больше, нежели от сохранения и поддержки индустриальных циклов предыдущего поколения.

цивилизационная идентичность России

- евразийская модель цивилизации, как альтернатива атлантизму

Русская история представляет собой движение народа к выработке принципов *особой цивилизации*, со всеми характерными признаками. Разные эпохи подсказывали разные формы для выражения этой цивилизационной миссии, самым общим названием можно считать термин “*евразийская цивилизация*”, *Россия-Евразия*. Это не только узконациональная идея, это усердная и трудная (сплошь и рядом парадоксальная) выработка *планетарной идеологии*, применимой для всех народов земли. Эта евразийская цивилизация представляет собой *антитезу* цивилизации атлантистской, которая суммирует в своих основах логику сложного исторического ансамбля, который ранее отождествлялся с Европой.

Россия есть воплощенный поиск исторической альтернативы атлантизму. В этом ее мировая миссия.

- поиск русского пути

Россия имеет свой собственный исторический путь. Русский путь. Он характеризуется постоянным (хотя и нелинейным, синусоидальным*) ростом осознания масштабов своей миссии*. От племенного и этнического к Государственному, национальному, имперскому, цивилизационному и мировому.

- осознание Россией глобальной цивилизационной миссии

Процесс осмысления русским народом этапов своего пути сложен и драматичен. В периоды кризисов и смутных времен у русских возникает соблазн отказаться от высоких мессианских горизонтов, замкнуться в национальном контексте, ясность геополитического и цивилизационного императива замутняется. Но после периодов сомнения глобальная цивилизационная миссия осознается всякий раз еще более *рельефно, отчетливо, триумфально, универсально и наступательно*. История показывает, что после некоторых колебаний всякий раз осознание цивилизационной миссии русскими происходит на более высоком и масштабном уровне.

Кратополитическая идентификация русских

- кратополитика и Россия

Кратополитическим анализом называется в политологии оценка *общего силового потенциала державы* и соотнесение этого потенциала с политической, юридической, социологической, культурной и религиозной стороной внутренней и внешней политики. Важность кратополитического силового фактора Россия понимала всегда, так как с самого начала своей национальной истории Государство сталкивалось с множеством внешних военных вызовов, исходящих из соседних держав, что почти всегда сопровождалось навязыванием внешних

идеологий, систем ценностей, культурных приоритетов. В кратополитическом смысле прямое военное вторжение и проникновение чуждых мировоззренческих комплексов рассматриваются как две стороны одного и того же процесса, поскольку ведут к одному результату — *ослаблению суверенности Государства*, утрате исторической инициативы, подпадению под режим ”внешнего управления” со стороны отчужденной мировоззренческой системы.

По этой причине на всем протяжении своей истории Россия особое внимание уделяла развития *военного, стратегического потенциала*, опора на который и давала возможность русским триумфально шествовать по истории к высокой цивилизационной цели создания гигантского континентального Государства.

- государствообразующее значение армии в русской истории

Русское государство изначально организовывалось *вокруг военных княжеских дружин*, которые вместе с князьями и были гарантом ранней государственности, залогом национального суверенитета. И Государство и нация имели эти военные образования в качестве *станового хребта*. В период освобождения от монголо-татарского ига русское воинство снова сыграло историческую роль, обеспечив Руси государственный суверенитет на новом этапе, заложив основу Московского Царства. Кратополитический военно-стратегический фактор ясно осознавался русскими не просто как необходимый атрибут государственности, но как его основа. Отсюда традиционное для русских уважение к военному сословию, представление о нем, как об избранном, элитарном слое населения.

Советская Государственность также знала культ Вооруженных Сил, и победа в Великой отечественной войне, и позднейшая разработка ядерного оружия были событиями силового триумфа русского оружия, обеспечившего на определенных этапах новейшей истории само существование русского народа, его свободу в выборе мировоззренческих и политических ориентиров.

Русские как историческая и политическая общность сформировались вокруг силового военного фактора и на протяжении всей истории напрямую зависели от него.

Такая особенность дает основание для продолжения этой тенденции и в дальнейшем, так как кризис кратополитического сознания, децентрализация военных в сфере политических и мировоззренческих решений настолько противоречит основной логике развития России, что не может быть долговременный, устойчивым явлением.

- стратегический вектор

На разных этапах своего развития русский народ давал различные ответы на стратегический вызов. Общим вектором национальной стратегии было укрепление и расширение территорий, находящихся под стратегическим контролем центра, приращение союзных и дружественных пространств из числа непосредственных соседей. Морская политика России была традиционно довольно скромной, акцент делался *на сухопутные войска*. Вместе с тем постепенная реализация евразийских стратегических планов по приближению к физическим границам евразийского материка в последнее столетие заставило Москву ориентироваться на "континентальный блок", стратегический союз с береговыми государствами Евразии и, соответственно, на развитие военно-морского флота.

По мере осознания свое стратегической планетарной миссии русские все больше вниманию уделяли вопросам *планетарной стратегии*.

Стратегическое развитие системы вооружений Российского Государства показывает неуклонное тяготение к развитию тех секторов вооружений, которые призваны решать все более глобальные цели по мере того, как пропорционально возрастал сам геополитический статус России, а ее евразийское качество приобретало законченную и явную форму в рельефе границ.

Ракетные войска, стратегическая авиация, ядерные подводные лодки и авианосцы в последние десятилетия в некоторой степени компенсировали стратегический изъян России, заключающийся в отсутствии свободного выхода к "теплым морям" и, соответственно, не позволявший ранее проводить полноценную планетарную политику. Важным сдерживающим фактором, замедляющим активное стратегическое развитие вооружений была большая протяженность сухопутных границ и их континентальный рельеф. Строительство Военно-морского флота являлось в истории стратегического

развития России важнейшим этапом, отмечающим переход к активной планетарной политике.

Идентичность России на военном уровне проявляется в приоритетном развитии стратегических (наступательных и оборонительных) видов вооружений, наращивании военно-морского потенциала, стратегичекой авиации, ядерного оружия, ПРО, оружия нового поколения..

Технологическая идентификация России

- модернизация без вестернизации

Технологическое материальное развитие России отставало от Запада. Причиной этого была общая созерцательность народа, обращенность к духовным, религиозным ориентирам. Когда же возникала острая необходимость сделать качественный технологический рывок (при Петре Первом, при большевиках) русские давали целые плеяды гениев и первооткрывателей, хотя как правило за то, чтобы заставить народ развиваться в этом, довольно прикладном и материальном направлении, приходилось прибегать к *насильственным* средствам. Такое отношение к технике свойственно народам Востока, хотя уникальная одаренность к техническому творчеству и новаторству русских — черта в целом европейская.

Даже в тех случаях, когда русские осуществляли технологические прорывы, они *адаптировали новые методики к национальному контексту*, используя заимствованные модели для усиления своей собственной национальной идентичности. Периодически черпая в Европе техническое вдохновение, Россия использовала технологии инструментально, отрывая (по мере возможности) их от культурного контекста. Этот принцип принято называть “модернизацией без вестернизации”. Это устойчивая черта национального отношения к технологиям.

Предназначение России

Россия представляет собой самобытный цивилизационный комплекс, имеющий ряд отличительных, характерных черт, остающихся постоянными на всех этапах ее истории. Это *сложный комплекс составляет идентичность России* как

государства, русских как народа. Все этапы развития национальной общности обнаруживают наличие единой направленности, четкий вектор, вдоль которого ориентированно историческое бытие русских. Вполне правомочно говорить о наличие определенной *исторической миссии* России, об осознанном или неосознанном предопределении русского народа. Эта миссия и это предопределение выражаются сложным ансамблем понятий и ориентаций, совокупность которых точнее всего определяется как *Евразийский Проект*. В цивилизационной, геополитической, культурной, религиозной, территориальной, государственной, этнической, хозяйственной, социальной, стратегической областях русский народ сквозь время силится познать и утвердить какую-то глобальную, универсальную Истину, полную грандиозного значения не только для своей нации, но и для всех народов земли.

На разных уровнях эта русская Истина формулируется по-разному, но в каких бы терминах она ни определялась, ее наличие не подлежит сомнению.

Миссия России не сводится к уже осуществленным историческим деяниям и не может быть отождествлена с какой-то имеющейся зафиксированной идеологической формой. Она шире и объемнее того, что уже совершилось и того, что нашло свое окончательное концептуальное выражение. Проявляясь и Киевской Руси, и в Руси Московской, и в романовской России и в народных бунтах, и в белой идее монархии и в красной идеи большевизма, и в авторитаризме (и тоталитаризме), и в демократии, миссия Россия внешне противоречивая и парадоксальная, превосходила и превосходит все ограниченные модели и формулировки. Коренясь в великом прошлом, она обращена к еще более великому будущему, где в апогее национального Возрождения и Преображения в определенный момент откроется истинное содержание нашего трагического, скорбного и прекрасного пути.

Сегодня Россия как никогда растеряна и смущена, дезориентирована и потрясена серией катастрофических, неожиданных событий, с ней случившихся. Но беспристрастно и объективно обратясь к своим глубинам, к своему историческому "я", к своей явной, проступающей сквозь все этапы истории идентичности , она без сомнения сможет преодолеть все трудности, утвердить свои ценности, исполнить до конца ту миссию, к которой она призвана великой силой Провидения.

Заново утверждать свое “я” России приходится в совершенно новом мире, который постоянно меняется и бросает ей сложные, беспрецедентные вызовы. Понять этот “новый мир”, “новый мировой порядок”, выделить его основные тенденции, спрогнозировать его фундаментальные тренды и риски Россия обязана. Только после этого она сможет выработать последовательную и продуманную стратегию своего Русского Ответа на вызов “нового мирового порядка”.

Часть 2

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

ВЕРОЯТНЫЙ ОБРАЗ МИРА В XXI веке

Преамбула

Чтобы адекватно представить себе линию развития России в будущем веке и тысячелетии, необходимо окинуть панораму этого нового мира, выяснить очертания той картины, которая складывается на горизонте будущего на рубеже эпох.

Будущее неопределенно. Никто не может с уверенностью сказать, что точно знает что и случится и что произойдет. И тем не менее, внимательное рассмотрение магистральных тенденций позволяет приблизительно наметить определенные тенденции, которые скорее всего в той или иной форме реализуются в дальнейшем.

Нет сомнений, что конец миллениума предлагает нам принципиальную новую карту становящейся реальности, где действует созвездие сложных ансамблей сил, трендов, тенденций, векторов. Все они представляют систему “вызовов” для России. На все эти вызовы Россия должна дать определенный ответ.

И по мере формулировки самых приблизительных и общих прояснятся основные черты той магистральной стратегии, которой должны следовать наша и страна и наш народ в будущем, продолжая двигаться по высоким путям своего исторического предназначения.

Главные геополитические тренды XXI

- атлантизм (монополярный мир)

Геополитическая картина, складывающаяся на рубеже тысячелетия, является для России довольно *удручающей и не предвещает ничего хорошего*. Этот зловещий компонент надвигающегося геополитического будущего нельзя игнорировать.

Геополитическое содержание мировой истории представляет собой дуэль двух типов цивилизации — цивилизации Суши и цивилизации Моря. Цивилизация Моря (атлантизм) исторически нашла свое наиболее совершенно выражение в структуре современного Запада, группирующегося вокруг США и стран НАТО. Цивилизация Суши постепенно отождествилась с Россией-Евразией, с континентальными пространствами "сердцевинной земли".

Последний — по времени — этап этой дуэли протекал в форме противостояния Восточного блока со странами Западного блока, двух сверхдержав СССР и США. СССР выполнял роль евразийского полюса, США — атлантистского.

Поражение СССР в этом противостоянии тождественно геополитическому поражению всей цивилизации Суши. Это колоссальное поражение России, нашего народа, нашей исторической миссии. Никакой иной геополитической оценки данного явления просто не может быть.

Мир, который складывается после этого проигрыша, является *однополярным* и *американоцентричным*. Это мир, в котором победу одержали атлантизм, цивилизация Моря. И соответственно, архитектура планетарной реальности, созидающейся в таких обстоятельствах, "новый мировой порядок" по логике вещей будет строится (если ему ничто не сможет помешать) на принципах, диктуемых Западом и США. Стратеги атлантизма прекрасно отдают себе в этом отчет, будучи уверенными, что следующее столетие будет "американским веком".

США остались единственной мировой сверхдержавой, и они сделают все возможное, чтобы закрепить за собой эту роль единоличного мирового арбитра, бдительно надзирающего за тем, чтобы возможность появления любой *цивилизационной альтернативы* (Евразийской Альтернативы) была исключена. К этому, собственно, сводится содержание стратегических и геополитических проектов американского руководства применительно к XXI веку.

В будущем намечается *однополярный мир*, основанный на господстве США и недопущении возрождения самостоятельной Евразии. Иными словами, Россия как могучая самостоятельная держава, следующая по пути своего исторического предназначения, заведомо исключается из будущего. По меньшей мере так

обстоит дело в стратегических планах и проектах атлантистских идеологов, имеющих на своей стороне реальную политическую, военную и экономическую мощь.

- мондиализм (универсализация под эгидой Запада)

Другой важнейшей тенденцией надвигающейся геополитической картины мира является стремление мира к *унификации*, *"мондиализации*" (от французского "le monde", "мир"), *к размыванию границ между государствами, народами, культурами*. Параллельно распаду традиционных образований — таких как государства-нации — намечается организация новых форм объедения (микро-национализмы, этнизм, нео-трибализм и т.д.).

Процесс мондиализации при сохранении основных геополитических тенденций (доминация атлантизма) будет не нейтральным и спонтанным, но спонсируемым, курируемым и организуемым *единственной международной державой*. Иными словами, мондиализация будет содержательно являться *универсализацией атлантистской модели*, перенесением основных черт западной цивилизации Моря на весь остальной мир. Этот Единый Мир будет складываться таким образом, чтобы быть увеличенной проекцией Соединенных Штатов Америки с соответствующим набором основных социально-экономических ценностей, лишь несколько адаптированных к локальным условиям.

- "богатый Север" против "бедного Юга"

Следующей важнейшей геополитической тенденцией является развивающаяся дифференциация между странами "богатого Севера" (полюс атлантизма) и странами "бедного Юга" (периферия атлантизма). Это соотношение многообразно, но сущность его сводится к обратным пропорциям баланса между благами атлантистской организации мира и ее издержками. Баланс "богатого Севера" положителен в смысле благ и отрицателен в смысле издержек, баланс "бедного Юга", соответственно наоборот. Демографические, экологические, социальные, финансовые, политические и культурные издержки цивилизации Моря ложатся на страны "периферии".

Такое соотношение породит противоречия нового типа, которые во многом будут определять картину планетарной реальности. Можно констатировать, что на смену национальным и классовым противоречиям, предопределившим логику XX века, приходит эпоха *противоречий геополитических и геоэкономических*.

- виртуализация пространства

Еще одной тенденцией геополитики XXI века является *изменение качества планетарного пространства*, которое прараллельно развитию средств транспорта и особенно телекоммуникаций из привычных форм переходит к новому модусу существования. Реальное географическое и геополитическое пространство мира как бы *дублируется* на уровне виртуальном, на уровне информационных систем и сетей. Это порождает особое измерение геополитической картины мира, где основные тенденции финансового процесса, культурного и цивилизационного утверждения, политических баталий и эволюций переводится в сферу *виртуального мира глобальной компьютерной сети.*

Эта виртуальная реальность представляет собой очень важный параметр нового геополитического устройства мира, так как закономерности ее структуры и функционирование, присущие ей новые качества явно повлияют самым серьезным образом на все основные параметры человеческого существования.

Основные экономические тренды XXI века

- либерализм

Экономическое устройство мира, вырисовывающегося на грани тысячелетий, сопряжено с глобальными геополитическими и цивилизационными процессами. Так как магистральная линия заключается в *победе цивилизации Моря*, то в экономической сфере это проявляется в *торжестве либеральной экономической модели*. Либеральная рыночная модель является *осевой* для цивилизации Моря в ее актуальной фазе развития, является ее прямым воплощением. На протяжении XX века эта хозяйственная модель противостояла своим альтернативам (в первую очередь социалистической модели) и в результате смогла утвердиться на земле практически повсеместно.

В той мере, в какой будет сохраняться и развиваться однополярный атлантистский мир, в той мере либеральная рыночная модель хозяйствования будет внедряться, поддерживаться и насаждаться во всех регионах мира.

По мере глобализации либеральной модели будут все более обнаруживаться *глубинные недостатки*, в ней содержащиеся, обнажатся заключенные *противоречия и отрицательные стороны*, которые были завуалированы и казались второстепенными на

предыдущих этапах активного противостояния с альтернативными экономическими системами.

Следовательно, общая тенденция к либерализму будет сопровождаться нарастающей контр-тенденцией — поиска новой альтернативы. При этом важнее всего обстоятельство, что эта альтернатива будет нащупываться исходя из того состояния, в котором пребывает экономика мира *после* глобальной победы либерально-рыночной системы, *после* слома тех конкурирующих систем, которые выступали по отношению к либерализму как соперники извне.

Глобализация либеральной экономики и плюралистический, авангардно-футуристический поиск альтернативы — вот две основные экономические тенденции, предопределяющие основные вехи хозяйственного развития в грядущие столетия.

- реальная доминация капитала

Развитие либерально-капиталистической модели хозяйствования привело современный мир к ситуации, существенно отличающейся от тех тенденций, которые были проанализированы главными теоретиками социально-экономической науки (как марксистами, так и либералами). Современный капитализм обладает целым рядом основополагающих черт, отсутствовавших на ранних стадиях развития рыночной экономики. В мировом масштабе при этом прививается не модель естественного развития рыночной системы, как это было в Европе (шире, на индустриально развитом Западе), но именно та форма, которой либерализм достиг *на последнем этапе* своего развития.

У молодого Маркса есть концепция "*реальной доминации капитала*", не получившая однако широкого развития в его собственных трудах и среди его последователей. Теме не менее именно эта концепция точнее всего соответствует данной фазе развития капитализма.

"Реальная доминация капитала" фактически преодолевает противостояние *труда* и *капитала*, которым характеризуются все предшествующие периоды экономической истории. Отныне *капитал* приобретает автономное бытие, отрываясь от своей производственной подоплеки, переходит к виртуальному состоянию в форме "развоплощенных финансов". В такой ситуации соотношение между реальным сектором производства, товарообмена и торговли с одной стороны, и финансовыми спекулятивными движениями капитала, с другой стороны, резко меняется в пользу последних. Причем дисбаланс нарастает в геометрической прогрессии.

В конечном итоге, “реальная доминация капитала” должна привести к повсеместному установлению информационного (или постиндустриального) общества, где главной реальностью становится информационный менеджмент, полностью подчинивший сферу традиционной “реальной экономики”, в том числе и рыночной.

- виртуализация финансов

Реальная доминация капитала предполагает *качественное изменение* экономической функции финансов как *главного инструмента рынка*. Финансовая реальность отрывается от рыночной инфраструктуры и приобретает автономное значение. Основной закон рынка о производном значении рыночной стоимости от баланса спроса и предложения преодолевается. Новая система виртуальных финансов возводит биржевую спекуляцию (ранее понимаемую лишь игру как с колебаниями спроса-предложения) к качественно иному уровню, делая рыночную стоимость *независимой* от хозрасчетной инфраструктуры (т.н. “фундаментал”) и производной от ценовых трендов, определяющихся совокупностью параметров, соприсущих реальности виртуальных финансов.

- абсолютизация рынка

Новая стадия развития рынка, его абсолютизация и виртуализация требуют нового интеллектуального и доктринального усилия экономической мысли, так как серьезность мутации мировой макроэкономической системы показывает, что традиционные модели нуждаются в кардинальном пересмотре. Победивший в мировом масштабе либерализм и рынок именно за счет масштабности своей победы меняют свое качество, переходят к *новой форме существования.*

Абсолютизированный рынок утрачивает некоторые основополагающие черты рыночной системы на предыдущих стадиях развития, и приобретает новые черты, не присущие рыночной системе ранее.

XXI век потребует колоссального пересмотра экономической науки, и многие нормативы традиционного анализа рыночной экономики окажутся неадекватными.

Как это ни парадоксально, но абсолютизация рыночного, экономического фактора в масштабе цивилизации порождает ситуации, когда открываются новые горизонты для активности нерыночных, пост-рыночных мотиваций.

Приблизительно это явление можно определить как “пост-модерн” в экономике.

- экономическая гомогенизация мира

Либеральная модель по мере своей универсализации стремится привести экономическую картину мира к хозяйственному единообразию. В этом состоит основополагающий вектор экономического процесса в информационном пост-индустриальном обществе. Единая мировая рыночная система является необходимым условием существования той новейшей социально-политической формации, которая явно обозначается на горизонте нового века.

Однако экономическая гомогенизация будет сопровождаться иными, противоположными тенденциями —

1) возрастанием и автономизацией пост-экономического фактора

2) обострением геоэкономических коллизий.

- экономика “нового мирового порядка”

В экономической сфере, как и во всех остальных, доминация западного полюса цивилизации (атлантизма) основывается на универсализации того хозяйственного уклада, который исторически сложился в западных странах и в безальтернативном навязывании его постулатов и критериев всем остальным народам и государствам. В планетарном масштабе утверждаются не только экономические модели и структуры, но и система оценок и критериев, в соответствии с которыми производится квалификация экономических показателей. Многообразие экономической истории различных народов и цивилизаций, фундаментальное своеобразие их хозяйственных культур при этом полностью игнорируется.

“Новый мировой порядок” в экономике проявляется *в нивелировке экономик различных стран по шаблону западной либеральной модели*, что в силу исторических и геополитических обстоятельств заведомо ставит страны Запада в привилегированное положение и дает им возможность курировать и контролировать процесс экономических реформ во всем мире в свою пользу. Такие международные финансовые организации как Международный Валютный Фонд и Мировой Банк выполняют в такой ситуации роль экономического и финансового правителя в мировом масштабе, так как их деятельность направлена на то, чтобы окончательно

лишить национальные государства экономической суверенности, сделав национальные модели экономик различных государств целиком и полностью зависимыми от экономической структуры “богатого Севера” и функционирующими в режиме внешнего управления.

Основные геоэкономические тренды XXI века

- три геоэкономические зоны

Геоэкономическая *дифференциация* планеты является реакцией на *гомогенизацию* (единственной оставшейся общепринятой парадигмой хозяйствования) рыночной системы. Естественное различие социальных, исторических и национальных ландшафтов проявляет себя в *эпоху глобальной либерализации экономики* через создание нескольких пространственных зон, чье экономическое устройство в целом одинаково, но чьи экономические интересы конфликтны. Через *геоэкономику* проявляются на новом этапе снятиые в явном виде геополитические закономерности.

Три главные геоэкономические зоны — Американская, Европейская, Тихоокеанская. Это три геоэкономические ансамбля, имеющие различные интересы, приоритеты и особенности. Они солидарны друг с другом в том, что касается противостояния некапиталистическим формам хозяйствования (стратеги этих трех геоэкономических зон в 70-е образовали направленный против СССР союз — “Трехстороннюю комиссию”). Но в рамках мирового рынка их стратегические экономические интересы *конфликтны.*

Из динамики развития соотношения этих трех геоэкономических зон между собой будет проистекать картина мировой экономики в следующем веке.

Три зоны сопоставимы между собой по одним параметрам (чисто экономическим) и не сопоставимы по другим — стратегическим, демографическим и т.д. Особенно важен тот факт, что американская зона (объединяющая большинство государств обоих Америк) является мировым лидером и единственной сверхдержавой в стратегическом плане. Этот фактор существенно влияет на распределение сил в трех геоэкономических зонах и переводит собственно экономические проблемы в плоскость политики и геополитики.

При опоре на свой силовой потенциал Американская зона (и персонально США) *доминируют* в этом тройственном геоэкономическом ансамбле, придавая ему особую стратегическую направленность.

- борьба за четвертую зону

Евразийский континент, бывший оплотом иной хозяйственной системы на всем протяжении XX века, *исключен из геоэкономической картины мира*, так как эта картина формировалась в период противостояния систем и фактически была сориентирована *против евразийского полюса*. Вместе с завершением “холодной войны” и началом хозяйственной перестройки единственной геоэкономической перспективой России в рамках традиционной картины мира является дробление некогда единого евразийского экономического пространства и вовлечение “продуктов распада” в периферию трех вышеназванных геоэкономических зон. Этот процесс уже осуществился на двух уровнях — отрыв от Москвы стран Восточной Европы и их постепенная интеграция в европейскую экономическую систему, распад Советского Союза и интеграция его бывших частей в Европейское и Азиатское геоэкономическое пространство. Общая логика развития геоэкономических процессов (без жесткого изменения ориентации) приведет к третьему этапу и к экономическому расчленению отдельных российских регионов с перспективой их включения в иные геоэкономические зоны.

Создания четвертой геоэкономической зоны — евразийской зоны — само собой не произойдет, так как вся система экономического мироустройства, доминирующая на сегодняшний день, структурирована таким образом, чтобы этого не допустить. Стратегическая доктрина США главным моментом выделяет пункт о недопустимости такого развития событий, т.е. недопустимости появления “четвертой экономической зоны”.

XXI века политические тренды XXI века

- глобализация либерал-демократического уклада

Политическим оформлением процесса структурного объединения мира под эгидой Запада служит *либерал-демократическая идеология*, сочетающая в себе *правую* рыночную политику с *левой* гуманистической риторикой. Либеральные взгляды становятся определяющими для центристского образца в политике государств, добровольно или не совсем добровольно входящих в единое экономическое пространство. При этом в либерально-демократическом комплексе упор делается на рыночную (правую) составляющую, которая является общеобязательным компонентом, тогда как левая

гуманитарная составляющая (“права человека” и т.д.) де факто рассматривается как второстепенная.

В политическом аспекте именно эта либерал-демократическая тенденция является доминирующей и магистральной.

- отход от демократии

Либерал-демократический уклад в определенный момент своей экспансии столкнется с проблемой реакции обществ и социально-политических механизмов прежней формации на навязываемую унификационную модель. В такой ситуации демократическая составляющая позволит закрепить и легитимизировать цивилизационную альтернативу в политическом аспекте. *Либерализм на этой стадии войдет в определенный концептуальный антагонизм с демократией*. Логика мондиализации, спонсируемой Западом, ведет к постепенному сокращению демократического элемента, особенно в отношении социальных и культурных регионов, медленно осваивающих либеральные нормативы или вовсе отчаянно сопротивляющихся им. Этот феномен чреват т.н. “дифференцированной, избирательной демократией”, а в пределе, полным отказом от нее. В такой ситуации рано или поздно станет вопрос о своего рода “либеральной диктатуре”.

- “мировое правительство”

Универсализация либерально-демократической политической системы (становящейся все более либеральной и все менее демократической) должно привести к сосредоточению политической власти в новом наднациональном органе, условно именуемом “*мировым правительством*”. К созданию такой планетарной структуры направлены усилия стратегов западной цивилизации. Этот процесс постепенно должен привести к отчуждению политических полномочий от традиционных администраций суверенных государств и их политических систем в пользу новых *сверхнациональных* инстанций.

- социал-демократия как эволюционная (мягкая) альтернатива

Наиболее близкой к либерально-демократической модели политического устройства новой реальности является умеренная (правая*) социал-демократическая* модель. Правая (или центристская в иной терминологии) социал-демократия в целом разделяет либерально-демократический комплекс, но более

акцентирует гуманистическую составляющую и пытается предложить проекты, призванные скорректировать отрицательные социальные последствия жестко рыночного подхода к экономике.

Социал-демократия может рассматриваться как "эволюционная" альтернатива либеральной демократии, не предполагающая резкого разрыва с основополагающей системой либеральных ценностей.

- жесткие альтернативы (неоконсерватизм, фундаментализм, экологизм, неоэтнизм, неосоциализм)

Все остальные политические проекты — как сохранившиеся по инерции с иных эпох политической истории (социализм, доктринальный национализм и т.д.), так и имеющие нео-революционный характер (фундаментализм, этнизм, экологизм и т.д.) — занимают в вырисовывающемся устройстве мира периферийное, маргинальное положение. В некоторых геополитических зонах их влияние может очень сильно, но в отношении доминирующей либерально-демократической тенденции они остаются неприемлемыми и подлежащими либо ликвидации, либо трансформации в ключе общих либерал-демократических норм. *Созвездие альтернативных либерализму идеологических политических и идеологических моделей вероятно постепенно спрессуется в новую идеологическую конструкцию, которая станет общей платформой для революционной оппозиции "новому мировому порядку" в планетарном масштабе*.

Основные промышленные и технологические тренды XXI века

- информатизация промышленности

В промышленной области самыми центральными тенденциями являются *технологизация нового уровня* и *новая модель международного разделения труда.*

Повышение роли информационных высоких технологий относительно остальных секторов производства растет в геометрической прогрессии, делая традиционные отрасли промышленности все более относительными сравнительно с удельным весом информатики. *Сфера развития информатики однозначно становится самостоятельной и приоритетной областью производства*, причем задающей основные параметры остальным отраслям.

Параллельно убыстренному росту автономизации финансовой сферы относительно развития реальных секторов экономики, происходит аналогичный процесс с информационной сферой в промышленности.

Информационные высокие технологии позволяют в кратчайшие сроки достичь технологических результатов в развитии промышленного производства, на которые уходили ранее десятилетия.

- планетарное разделение труда,

Международное разделение труда все более тяготеет к локализации по контурам геоэкономических зон. Страны "богатого Севера" (США и Европа) являются планетарной территорией развития *финансово-информационного* сектора. Общая тенденция сводится к тому, чтобы максимально освободить *страны Запада* от промышленных энергоемких и экологически опасных производств и приоритетно развивать в этой зоне новые *высокие технологии*, мировые *финансовые институты и центры стратегического решения.*

Реальные сектора производства постепенно смещаются в *страны Тихоокеанского бассейна*, которые по большинству показателей становятся лидерами мирового производства. При этом в области финансово-кредитной системы, новейших информационных технологий, ресурсов и политико-стратегических проектов, эти страны зависят от "богатого Севера". Тихоокеанская "единая промышленная зона" приобретает черты специализированного индустриального региона.

Остальные менее динамичные регионы, располагающиеся на периферии трех геоэкономических кругов в таком распределении труда выступают как поставщики природных ресурсов и места для хранения экологических отбросов более развитых секторов мира.

Можно предположить, что эти периферийные регионы (в число которых стратеги Запада включают и будущую Россию) на следующем этапе сами станут в свою очередь индустриальными зонами по мере того, как будет "эмансипироваться" от ресурсо-затратного и трудоемкого реального сектора экономики тихоокеанская зона.

- ускорение научно-технического прогресса и его пространственная дифференциация

Ускорение научно-технического прогресса (причем сегодня очевидно, то этот процесс не сопровождается аналогичной тенденцией в моральной или интеллектуальной сфере) скорее всего будет проходить в режиме "*оптимизации*", а не "*инновации*", но от этого темпы его будут возрастать, а векторная направленность определяться исключительно

соображениями краткосрочной практической выгоды. Технологическое развитие будет осуществляться в такой ситуации практически в спонтанном режиме по мере возникновения и соответственно решения конкретных задач, при отсутствии заведомо составленных и установленных проектов (как в случае “инновационного” процесса).

Сам научно-технический прогресс становится инструментом стратегического влияния наиболее развитых сегментов цивилизации. По этой причине наиболее интенсивно он будет протекать в геоэкономических зона “богатого Севера”. Оптимизационный подход к научно-техническому развитию предполагает его утилитарно-прикладной и избирательный характер, что превращает его в дополнительный силовой фактор геополитических и геоэкономических полюсов.

Основные тренды в сфере ресурсов XXI века

- ограниченность ресурсного запаса человечества

Планетарные ресурсы ограничены. Проблема ограниченности ресурсов ставит человечество перед необходимостью либо искусственно регулировать численность народонаселения и демографические процессы, либо открывать инновационные методы замены традиционных ресурсов (новые виды энергии и т.д.).

В будущем факт ограниченности ресурсов придаст геополитическому противостоянию за контроль над наиболее богатыми областями драматический характер, если проблема ресурсного дефицита не будет решена новым образом, а демографические процессы будут продолжать развиваться в том же ритме.

- неравномерное зональное распределение ресурсов

Месторасположение стратегических ресурсов как правило максимально в странах развивающимися в технической сфере средними или замедленными темпами и минимально в странах с ярко выраженным ресурсным дефицитом.

Большая часть мировых ресурсов находится на периферии трех наиболее развитых геоэкономических зон — в странах “бедного Юга” и Евразии.

Установление контроля над распределением ресурсов в мировом масштабе в интересах “богатого Севера” вляется одной из главных целей “нового мирового порядка”. Карта природных ресурсов является базовым

ориентиром для формулировки основных направлений геополитики и геоэкономики атлантизма, которые ориентрованы на установлении *прямого контроля* над территориями, богатыми полезными ископаемыми, не зависимо от того, в каком регионе мира они находятся.

Основные демографические тренды XXI века

- проблемы демографического роста

Общая демография народов земли имеет тенденцию к росту в геометрической прогрессии параллельно с крайне неравномерным пространственным распределением этого процесса. Демографический рост порождает проблему перенаселения, возрастающего дефицита ресурсов, жизненного пространства, экологии и т.д. Это проблема в ближайшем будущем приобретет кtастрофический характер.

- пространственная и культурная дифференциация демографических процессов

В странах, входящих в состав "богатого Севера" и некоторых других (преимущественно европейских) секторах Евразии, рост населения либо нулевой, либо отрицательный. В странах тихоокеанского бассейна и "бедного Юга" напротив происходит демографический взрыв.

Такое неравновесное состояние ставит серьезные проблемы, так как количественный показатель народонаселения стран и регионов оказывается в обратной пропорции с технологическим развитием, геополитическим могуществом и экономико-технологическим потенциалом.

Помимо всего прочего это обстоятельство обостряет территориальные проблемы — плотность населения земли крайне неравномерна. В некоторых (преимущественно азиатских) странах происходит очевидное перенаселение притом, что огромные регионы особенно пространства северо-восточной Евразии остаются малозаселенными или незаселенными вовсе.

Основные экологические тренды XXI века

- угроза экологической катастрофы

Резкое ухудшение земной среды обитания и все возрастающая опасность экологической катастрофы заставляют учитывать *экологический* фактор наряду с самыми существенными геополитическими и экономическими тенденциями. Развитие современного производства, демографический рост совокупного народонаселения земли, военная индустрия, исчерпание природных ресурсов, атмосферные мутации и динамика расширения озоновых дур (и появление новых) — все эти процессы постепенно ставят физическое существование человечества и живой природы под угрозу уничтожения. Кризис требует формирования особого *экологического сознания*, которое должно стать неотъемлемым и главнейшим параметром при создании и осуществлении любого стратегического цивилизационного проекта.

- экологическая проблема в постиндустриальных обществах

Информационное (постиндустриальное) общество за счет развития высоких технологий нового поколения отчасти снижает остроту проблемы в сфере производства, а в дальнейшем, возможно будет снята и проблема дефицита ресурсов через открытие новых видов энергии. При этом стратегические, военные и демографические проблемы, а также вопрос неравномерного распределения экологических зон в зависимости от геоэкономической спецификации региона земли будут только нарастать.

Оптимизационная ориентация нового мироустройства по своей внутренней логике не может сделать экологический фактор приоритетным. По этой причине экологические тенденции в определенный момент вероятно войдут в жесткое противоречие с доминирующими в условиях “нового мирового порядка” геополитическими и стратегическими трендами.

- экология как самостоятельная цивилизационная тенденция

Вынесение экологической проблематики в самостоятельную область перед лицом реальности общепланетарного риска не только для человечества, но и для всей живой и не живой природы, вероятно станет базой целого спектра новых тенденций, альтернативных по отношению к общей модели вырисовывающегося мира будущего.

Основные культурные тренды XXI века

- мондиализация американизма как эрзац-культуры

Нивелировка экономической и политической модели в планетарном масштабе предполагает установление *единого культурного стереотипа*. Моделированием такого стереотипа по логике вещей должны заниматься те силы и полюса, которые являются спонсорами и кураторами всего процесса глобализации.

Американский образ жизни, штампы американизированной эрзац-культуры, транслируемые через глобальные масс-медиа, будут постепенно вытеснять локальные культурные проекты, подстраивая историческое многообразие под одномерные заведомо заданные образцы.

При этом отсутствие у американского культурного проекта какой бы то ни было “высшей” задачи, кроме укрепления силового, стратегического влияния Запада во всем мире, сделает реальным наряду с тотальным распространением эрзац-культуры существование “варварских”, “диких” нравов и обычаев.

Вместе с тем, следует ожидать и обратного феномена — консолидации региональных национальных и религиозных анклавов *для сопротивления культурной экспансии атлантизма*. Этот культурный отпор вероятно породит новые культурные формы и методы, придаст самому явлению культуры дополнительное измерение и новый геополитический смысл.

- феномен пост-модерна

Общая тенденция изменения качества цивилизации, возникновение новых факторов человеческого бытия и существенное видоизменение привычных форм жизни, связанные с серьезностью исторических трансформаций, проявляется в организации *нового типа культуры* или общего знаменателя в развитии культуры. Это явление принято называть “пост-модерном”. Речь здесь не идет о конкретном художественном стиле, речь идет об общей тенденции, которая затронет в будущем все культурные направления.

- универсализм и дифференциализм в пост-модерне

При этом окончательный вектор пост-модерна в культуре *пока не определен*. Это явление может претерпеть серьезную эволюцию и скорее всего будет развиваться по сложной траектории. В пост-модерне заведомо можно различить *унификационный* аспект, сопряженный с мондиализацией цивилизационных штампов под эгидой Запада, и *дифференциалистский*

аспект, связанный с реакцией геоэкономических зон, национальных и религиозных культур на вызов “глобализма”.

- альтернативные культурные проекты (фундаменталистский, неоконсервативный, экологический)

В рамках поиска альтернативы глобализации американской эрзац-культуры можно различить контуры иных, противоположных по основной ориентации культурных проектов. Можно выделить:

- *фундаменталистский проект*, связанный с сознательным и волевым возвратам к культурным, религиозным и национальным корням;

- *просвященно консервативный* проект, настаивающий на приверженности классическому наследию “модерна” и противодействующий унифицирующей экспансии;

- *экологический проект*, связанный с приоритетом природного и биологического начала вопреки доминации технотронной цивилизации.

- роль медиакратии

Роль СМИ и новых информационных технологий (сеть Интернет или аналогичные проекты интерактивного виртуального типа) в культурном процессе будет геометрически *повышаться*. Зрелищная сторона - вытеснять смысловую. Постепенно информационная функция СМИ будет расширяться до культуро-образующей.

Модель “общества зрелища”, утвердившаяся в странах Запада будет переноситься на остальные регионы. При этом вероятно формирование альтернативного *революционного полюса* в области информаицонных (скорее всего, интерактивных) технологий. Цивилизация “общества зрелища” породит в определенный момент *ответную информационную инициативу*, направленную против ее тотальной доминации.

Основные научные тренды XXI века

- синтез наук

На протяжении Нового Времени развитие науки шло преимущественно по пути *дифференциации отдельных дисциплин*, выделения все более и более специализированных областей науки в отдельные системы. В настоящее время этот процесс дошел до критической черты и налицо противоположные тенденции: *слияние различных научных дисциплин* в новые междисциплинарные комплексы, скрещивание научных подходов не только в рамках естественнонаучных и гуманитарных областей по отдельности, но и попытки объединить в общем синтезе *точные и гуманитарные* науки. Современная фундаментальная физика, к примеру, оперирует с понятиями, заимствованными из арсенала философии, и без этого философского инструментария ее законы и утверждения теряют свой смысл (чего не было на более ранних этапах физики). Точно также дело обстоит и с другими дисциплинами. Складывается ситуация, отчасти напоминающее эпоху средневековой учености или дух Возрождения, когда между философией, теологией с одной стороны, и математикой, физикой, астрономией, с другой стороны, существовала прямая взаимосвязь, запечатленная в универсалистском мышлении ученых и богословов той эпохи.

Современный междисциплинарный подход в науке в дальнейшем будет развиваться, и объявленный некоторыми современными философами науки “конец наук” вероятно выльется в появление некоторое новой синтетической *всеобъемлющей дисциплины*, организованной на базе новейших информационных технологий, позволяющих компактно обобщить на уровне пользовательских программ методологические и информационные ресурсы традиционных научных дисциплин, сделав эти комплексы модульными элементами обобщающей системы.

- новейшие информационные и генные технологии

Развитие некоторых научных технологий особенно с сфере информатики и генной инженерии бросают новые вызовы самому представлению о человеке и человечестве, поскольку компьютерное моделирование “*искусственного интеллекта*” и опыты *по клонированию человеческих особей* радикально меняют взгляды на качество и место человека в мире, коль скоро возможным становится его искусственное воспроизведение или создание мутантов-аналогов. В данном случае логика технологического, аналитического, технического развития входит в противоречие с *этическими* системами ценностей применительно ко всей сфере антропологии, науки о человеке. Создание *биологических дублей* через методологии генной инженерии и *рациональных*

дублей через компьютерные модели искусственного интеллекта делают из современной науки, как вспомогательного инструментария человеческого общества нечто большее, ставя под угрозу сам статус человека в обществах будущего.

Показательно, что эти авангардные направления развиваются приоритетно в атлантистских обществах и, в первую очередь, в научном сообществе США, где традиционно развито технологическое, инструментальное отношение к миру и природе. Вероятно, результаты развития этих тревожных направлений науки станут специфическим признаком “нового мирового порядка”.

Основные социальные тренды XXI века

- фрагментация существующих (традиционных) социальных ансамблей, десоциализация, индивидуализм

Важнейшей тенденцией нового мира в социальной сфере станет разложение привычных социальных групп — и таких обширных как нации и государства, и таких ограниченных как профессиональные, классовые, религиозные и другие образования. Этот процесс *фрагментации социальных ансамблей* проявится в любом случае и в магистрально утверждаемой либеральной модели (догматически предписывающей дробление социальных организмов вплоть до индивидуального уровня с отмиранием всех типов общественных субъектов), и в возможных альтернативных проектах, в рамках которых придется не просто сохранять существующие социальные ансамбли, но утверждать новые или заново воссоздавать старые.

- новая социальность

Альтернативный социальный проект по отношению к социальной фрагментации будет формироваться вокруг предложения моделей “новой социальности”. Заведомо можно выделить несколько тенденций

- *нео-этнические тенденции* (новое утверждение этнических общностей);

- *нео-религиозные* (искусственное возрождение традиционных религий и неспиритуалистических сект) течения;

- *нео-экологические* проекты;

- *модернизированные формы искусственной социализации* (создание общин нового типа, отправляясь от интернетовских проектов, т.н. “виртуальный трибализм” и т.д.).

Основные религиозные тренды XXI века

- практический атеизм, религиозный индифферентизм

При доминации философии индивидуализма и прогрессирующей десоциализации *традиционные религиозные институты* обречены на отмирание в условиях “нового мирового порядка”. Вероисповедание, становясь исключительно индивидуальным вопросом, теряет свою мобилизующую природу, открывает двери экстравагантным культам. Гедонизм и практический материализм окончательно возобладают.

- редуцированные религии

Низведение религиозного фактора до индивидуального уровня повлечет за собой возрастающую *редукцию религий*. Вероятны возникновение “культов”, исповедываемых одним единственным человеком или суррогатных интернет-религий. Дух культуры *постмодерна* вполне способен переварить и включить в себя элементы расщепленных религиозных ансамблей.

- религии как социальные фасады современных обществ

Некоторое время религиозные фасады еще будут сохраняться в обществах нового мира, но их смысловая и мобилизующая, социально-культурная сторона будет постоянно ослабляться, превращаясь в музейный или исторический казус.

- фундаментализм

Новый религиозный фундаментализм и интегризм будет представлять собой *альтернативу* расслаблению религиозных институтов, искусственный процесс, направленный против основополагающих тенденций, заложенных в стартовом импульсе либеральной мондиализации.

- религиозный фактор как фактор новой самоидентификации

В определенных ситуациях религиозный фактор сможет стать символом и общим знаменателем для *новой социальной самоидентификации* (новой социализации). В некоторых случаях этот процесс может быть отличен как от фундаменталистской модели, так и от функции религии как "социального фасада". Но и здесь речь идет об альтернативном варианте, идущем в разрез с либерал-мондиальным вектором.

Основные этнические тренды XXI века

- этническое смешение,

Универсализация либеральной модели предполагает декомпозиции этносов (как и иных типов социальности) до уровня *автономного индивидуума*. На практике это должно привести к всеобщему смешению народов и рас, к появлению нового *космополитического человека*, чье этническое содержание совпадает с его видовым признаком и индивидуальностью. Принцип: "сколько людей, столько и этносов", или "все люди одного этноса". Модель американского общества берется здесь за норму, подлежащую копированию В перспективе смешение народов и исчезновение этнических ансамблей предполагается как нечто всеобщее и тотальное.

- универсализация, - преодоление этносов

Путем к достижению модели "единого человечества" является универсализация и стандартизация индивидуального бытия, выделение индивидуума как самозаконченного и самостоятельного объекта из этнического контекста. Нивелировка этносов в процессе глобализации должна проходить не на основе унификации этносов и через приведение их ко всеобщему знаменателю (это предполагало бы особый цивилизационный проект и "инновационный" подход), но через разложение этнических конгломератов на атомарные индивидуальности в соответствии с общей схемой.

- нео-этнизм как фактор новой самоидентификации

Противостояние этому нивелирующему процессу может происходит в форме *нео-этнизма*, новой и во

многой искусственной переоценке значимости этнического фактора в его оппозиции магистральным либеральным тенденциям.

Основные кратополитические тренды XXI века

Общее - Контуры грядущего мира будут определяться балансом силовых факторов. Силовой (кратополитический) подход будет еще долгое время оставаться решающим и доминирующим. (Это вытекает из обособленности технического развития человечества от нравственного прогресса).

- атлантизм (возможность глобальной либеральной диктатуры)

Геополитический атлантизм, *стратегическая доминация Запада* в вопросе определения структуры нового мира будет *главным действующим силовым фактором*, на котором будет основываться успех или не успех либерального вектора развития. Все остальные наметившиеся в качестве основных тенденции нового облика цивилизации будут в основном зависеть то того, *удастся ли атлантистскому геополитическому полюсу сохранить свою планетарную доминацию*. Атлантистский альянс Запада будет главной опорой той картины мира, которую спонсирует либеральные тренды в цивилизации. Возможно, что для поддержания режима прохождения некоторых цивилизационных процессов в глобальном масштабе, атлантистский блок вынужден будет прибегнуть к методам, представляющими *собой "планетарную диктатуру или либеральный колониализм нового типа"*.

- американизм

Государственной и цивилизационной базой атлантизма на протяжении неопределенно большого периода времени будут оставаться *США*. В стратегическом смысле американизм практически тождественен атлантизму, и стратегическая мощь США должна быть приравнена к кратополитическому потенциалу глобальной стратегии Запада в цивилизационном смысле и планетарном масштабе.

- силовые стратегии "богатого Севера"

"Богатый Север" в кратополитическом смысле фактически тождествен *американизму и атлантизму*, хотя отдельные его регионы — в частности Европа или

Япония — играют в кратополитическом ансамбле вспомогательную роль атлантизма, не представляя собой *самостоятельного силового полюса*. В случае дифференциации в рамках “богатого Севера” (что сопряжено с расслоением атлантистского альянса и утратой стратегического единства под эгидой однозначного американизма) силовые стратегии Европы и Японии, а также других экономически развитых стран Тихоокеанского региона могут быть сформулированы в иной плоскости.

- военные аспекты “нового мирового порядка”

Главной военной силой, на которой будет основываться “новый мировой порядок” является *ВПК США*, стратегическое *ядерное оружие и оружие нового поколения* (в том числе космическое оружие). Военная мощь США и других стран НАТО призвана силовым образом обеспечить установление тотального контроля Запада на планетарном уровне, утвердить повсеместно атлантистскую модель мироустройства и миропорядка. Уже в ближайшие годы силовой военный потенциал Запада начнет играть *самостоятельную* решающую роль в мировой политике, отодвигая на второй план юридические формальности существующих моделей международного права, которое, в свою очередь, будет вскоре трансформировано. Тот факт, что в современном мире осталась *одна единственная сверхдержава* означает, что вопрос о подлинной суверенности отдельных государств более не стоит на повестке дня, так как эта суверенность целиком и полностью зависит от хозяев однополярного мира и зависимость подкрепляется не имеющей аналогов и сдерживающих противовесов военной мощью. “Новый мировой порядок” будет основан на ядерном потенциале и новейших вооружениях США. Военная мощь Запада станет главным арбитром в решении всех международных вопросов.

- роль развед-сообщества в установлении “нового мирового порядка”

Реализация некоторых аспектов “нового мирового порядка” может решаться только с применением разведывательных технологий и через усилия разведок западных стран и, в первую очередь, США. Масштабность цели и небывалая задача установления “мирового правительства” требует новых уровней разведывательной деятельности, вербовки агентуры и т.д. Цивилизационный проект атлантизма требует наличия *наднациональных спецслужб*, действующих поверх голов традиционных разведывательных структур и выполняющих *геополитическую, цивилизационную* цель, часто не совпадающую с национальными интересами государства. Этот новый

высший уровень разведывательной деятельности порождает -

1) *новый планетарный тип спецслужбы*, объединяющий представителей всех стран, соучаствующих (активно или пассивно) в деле установления “нового мирового порядка”

2) *вербовку геополитической агентуры влияния* во всех государствах, режимах и социальных структурах нейтральных стран и государствах Евразии; такая *геополитическая агентура влияния* ангажируется и действует на основании совершенно иных моделей, нежели традиционные шпионы, и следовательно, деятельность такой агентуры труднее поддается выявлению, пресечению и юридической квалификации.

Роль разведывательных структур нового геополитического типа будет постоянно возрастать, и масштаб их деятельности расширятся.

- планетарный терроризм

Стратегическая глобализация под контролем США вызовет к жизни *повсеместное стихийное противостояние*, опирающееся на террористические методы. Особого накала повстанческие акции достигнут после того, как мондиализация пройдет стадию подавления тех крупных социальных образований, которые будут резко противиться растворению в стихии новой спонсируемой Западом цивилизации.

- силовая функция финансов и медиакратии

Финансовый и медиакратический факторы постепенно приобретут *решающее кратополитическое значение*, так как общая виртуализация предполагает передачу эстафеты от инструментов грубого физического воздействия к более тонким техникам экономического и психологического воздействия. Финансовые и информационные технологии вполне могут стать своего “*оружием будущего*”, постепенно вытеснив традиционные виды вооружений.

- хаотические процессы

Унификация планеты под либеральной эгидой при отсутствии созидательного “инновационного” проекта будет сопровождаться нарастающими локальными

хаотическими феноменами. Возрастание объема и интенсивности кратополитического хаоса будет способствовать созданию ситуации, благоприятствующей развитию альтернативных цивилизационных процессов.

Основные юридические тренды XXI века

- глобализация либерального права

Общие цивилизационные закономерности смещаются в направлении придания *юридическим основам либерализма глобальных полномочий*. Либеральная система права, основанная на фиксации индивидуального уровня, соотнесенного со все более развоплощенной глобальной, абстрактной инстанцией, основным инструментом будет иметь концепцию “прав человека”.

- концепция “прав человека”

Концепция “прав человека” представляет собой *применение принципов индивидуалистической философии к правовой системе*. Неявно она противостоит иным юридическим моделям, в которых акцент падает на государственные инстанции, социальные, национальные и религиозные коллективы. Абсолютизация правовых систем, основанных на теории “прав человека”, будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального миропорядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма.

- роль международных правовых институтов

Система международного права, сложившаяся в ходе XX века (“Ялтинский мир”), подлежит трансформации или слому в самое ближайшее время, поскольку она фиксирует международную и юридическую реальность, стремительно уходящую в прошлое.

По мере глобализации мондиалистской модели на первый план выйдут международные институты нового типа, более компактные и эффективные, но менее демократичные. Прообразом этих новых систем служат закрытые клубы мировой элиты — такие, как “Трехсторонняя комиссия”, “Бильдербергский клуб”, CFR (в США) и т.д. Фактически, это означает постепенный переход к модели “мирового правительства”, заменяющего собой многообразие правовых систем, в той или иной степени представленных ООН, ОБСЕ и других международных организациях, существующих сегодня.

- назревающий конфликт между правовой сферой и кратополитической сферой

Геополитические и стратегические тенденции, связанные с глобализацией либеральной атлантистской модели, не смогут адекватно развиваться при сохранении той правовой системы, которая по инерции доминирует в сегодня мире. Цивилизационые спонсоры новой международной системы (глобализация западной либеральной модели) на определенном этапе войдут в конфликт с правовыми институтами (государственного и надгосударственного уровня). Лишь после цепи столкновений между кратополитическими и юридическими системами будет выстраиваться модель *нового планетарного права*.

- грядущее планетарное право (тоталитаризм нового типа)

Новое планетарное право будет весьма специфическим, и развиваясь из либерального корня очевидно в какой-то момент приобретет черты тоталитаризма нового типа в планетарном масштабе. Сочетая нормативы “прав человека” (предпосылку об “индивидууме как мере вещей”), с потребностями

управления гигантскими человеческими массивами довольно ограниченной кратополитической элитой (мировым правительством), новое право будет представлять собой довольно противоречивую тоталитарную модель, своего рода “глобальную либеральную диктатуру”.

Основные медиакратические тренды XXI века

- медиакратия как основное оружие будущего

В постиндустриальном обществе медиакратия становится *самостоятельным стратегическим фактором*, обладающим центральным значением. Из подсобной социальной инфраструктуры информационная система и СМИ превращаются в осевой силовой инструмент, с постоянно возрастающим потенциалом. В постиндустриальном обществе информация становится не только *главным товаром*, но и *главным оружием*.

- мондиализация СМИ (средство и цель)

Создание единой и однородной системы СМИ в планетарном масштабе является *методом* и одновременно *целью* общей мондиализации. Со стратегической точки зрения, либеральным спонсорам “богатого Севера” жизненно необходимо тщательно контролировать этот процесс до деталей, чтобы структурирование медиакратической среды отражало основные параметры либеральной модели. Контроль над информационными каналами начиная с определенного момента будет фактически равнозначен прямому стратегическому, военному и экономическому контролю.

- интерактивные сети (возможность альтернативы мондиализации)

Информационное общество предполагает постепенную интеграцию в информационную сферу всего населения планеты и соответствующую широкую демократизацию. Такое вовлечение может быть пассивным (развитие централизованных электронных СМИ) и интерактивным, по модели сети ИНТЕРНЕТ, где каждый пользователь является не только потребителем информации, но и ее производителем. Такая демократизация, проявляющаяся в интерактивности, чревата возможностью формирования альтернативного цивилизационного, культурного или информационного проекта, ускользающего из-под контроля стратегического центра мондиализации. В определенный момент в этой области возможен конфликт между двумя ветвями информационного общества — традиционной и интерактивной.

Заключение. БУДУЩЕМУ НЕОБХОДИМА АЛЬТЕРНАТИВА

- “новый мировой порядок” как главная угроза России, всем народам мира

Основные тренды, определяющие образ грядущего мира, являются в высшей степени тревожными. Этот мир представляет собой “новый мировой порядок”, в котором будет безраздельно главенствовать западная система ценностей, воплощенная тотально — на всех стратегических, политических, экономических и социальных уровнях и на всем пространстве планеты. Такой “новый мировой порядок”, управляемый “мировым правительством”, в котором главную роль будут играть олигархические, финансовые и аналитические элиты Запада, а также проводники их влияния в других регионах мира, исходит из экстремистской по своей сути предпосылки о *радикальном превосходстве цивилизации современного Запада надо всеми иными путями и моделями исторического развития*, подлежащими постепенной

ликвидации. “Новый мировой порядок” предполагает нивелировку народов, государств, культур и обществ по американской атлантистской либерально-демократической модели с универсализацией философских, юридических, культурных и экономических предпосылок, на которых эта модель основана.

При этом особое опасение внушает то, что очертания мира будущего, складывающиеся из естественного развития тех основных тенденций и трендов, которые являются центральными, доминирующими уже в настоящем, приведут к *катастрофическим* результатам по мере их дальнейшей реализации. Те аспекты западного мира, которые пока не обнаруживают своей губительной ориентации, представляются нейтральными или позитивными, в будущем, по мере радикализации и естественного развития, приобретут *фатальные* черты.

Мир будущего в том случае, если главенствующей на сегодняшней день тенденции мондиализма и атлантизма, не будет противопоставлено масштабной планетарной альтернативы, представляет собой зловещую антиутопию либерального тоталитаризма, “brave new world” с циничной двойной моралью, предельным отчуждением, полной утратой людьми, культурами и социальными ансамблями своего творческого, созидательного достоинства, свободы, справедливости, солидарности, активного волевого и свободного соучастия в ходе истории.

- конец истории

Как признают сами атлантистские футурологи установление “нового мирового порядка” означает “конец истории”, отмену и преодоление всех основных форм существования, которые составляли содержание исторического бытия человечества, в том числе и исторического бытия

самого Запада, пока он не перешел к окончательной, пост-исторической фазе своего существования.

“Новый мировой порядок”, “новый мир”, явно вырисовывающийся на рубеже тысячелетия, является продуктом цивилизации Запада, плодом зрелого и доведенного до своих логических пределов *атлантизма.* Для самих народов Запада закономерность и позитивность такого результата вполне может быть оспорена, поставлена под сомнение. Но этот вопрос может решаться по-разному. Не подлежит ни какому сомнению другое: *для всех остальных народов и цивилизаций земли*, развивавшихся по иным путям и иной логике, силовое тоталитарное навязывание результатов западного, атлантистского пути является абсолютно *несправедливым, неприемлемым, порочным, катастрофическим аморальным*. “Новый мировой порядок” открывается в такой ситуации как *катастрофа и диктатура*, как новая форма колониального владычества, закабаления, эксплуатации, доминации.

- планетарная АЛЬТЕРНАТИВА

Следовательно, историческим императивом всех незападных культур и цивилизаций планеты, в том числе и сил самого Запада, отвергающих существующие тренды, является солидарная выработка цивилизационной, исторической АЛЬТЕРНАТИВЫ “новому мировому порядку”, радикально иного сценария, нежели тот, который естественным образом вытекает из существующего положения вещей и предопределяет основные грани вероятного мира будущего.

Россия в своей истории вела с соседними цивилизациями сложный многоуровневый драматический диалог. В разные ее периоды он складывался по разному. Но при всех обстоятельствах Россия отстаивала свое *право на цивилизационную*

особость, *самостоятельность*, обусловленную ее религиозной, географической, социальной, геополитической, этнической, культурной спецификой. Русская цивилизация, несущая в себе соцветия ценностей, отчасти схожих как с мировоззренческими системами Европы, так с идеологиями Востока, представляла своеобразный и не имеющий аналогов синтез, который и лежит в основе нашего национального бытия.

В условиях “нового мирового порядка”, в моделях надвигающегося мира, эта самобытность, эта цивилизационная идентичность подлежит *ликвидации, рассеянию, стиранию*. Не случайно атлантистские стратеги и геополитики называют будущую Евразию “черной дырой” (Збигнев Бжезинский). У Россия как уникального исторического образования, у русского народа как полноценного субъекта мировой истории, в “новом мире” мондиализма вообще нет никакого будущего. И если основные тренды “нового мирового порядка” возобладают, то *Россия исчезнет* — как политическое, культурное, цивилизационное, экономическое, материальное и духовное явление.

Точно такая же незавидная судьба ожидает и иные традиционные цивилизации — такие крупные как исламскую, индийскую, китайскую и такие локальные как африканские, тихоокеанские и латиноамериканские культурные ансамбли. В конечном счете утратят свою самобытность и *западные культуры*, породив в экстремальных проявлениях своего исторического развития те левиафанические формы, которые их самих и поглотят.

Тот мир, который надвигается на нас, не должен стать реальностью. То будущее, которое подступает, не должно свершиться. В этом состоит драматический нерв переломного момента мировой истории.

Россия сможет сохранить себя только в том случае, если сумеет выдвинуть глобальную *АЛЬТЕРНАТИВУ* “новому мировому порядку”. Но такая

АЛЬТЕРНАТИВА по определению не может быть делом только *одной страны, одного народа*. Универсальность, планетарный масштаб атлантистского вызова, обращен ко всем народами мира, поэтому в разработке и дальнейшей реализации АЛЬТЕРНАТИВЫ должны соучаствовать *все мировые цивилизации*. Но по целому ряду исторических обстоятельств именно Россия традиционно стояла в авангарде выработке цивилизационных стратегий, противоположных Западу. Мы, русские, во многом западный народ и довольно адекватно понимаем его цивилизационные системы. Гораздо лучше и яснее., нежели многие народы Востока и Третьего мира, укорененные в своих локальных культурах и имеющие с цивилизацией Запада довольно поверхностные отношения. Однако *понимание не означает принятия*. Россия *глубже* других *понимает* Запад и поэтому *радикальнее* других его *отвергает*, выдвигает против него наиболее общие и масштабные цивилизационные контрпроекты.

-АЛЬТЕРНАТИВУ может формулировать и утвердить только Россия

Историческая миссия разработки и реализации основной модели АЛЬТЕРНАТИВЫ “новому мировому порядку” лежит именно на *России*. И только Россия в будущем может стать главным *полюсом*, очагом планетарного сопротивления, точкой притяжения всех мировых сил, отстаивающих свой собственный путь, свое собственное культурное, национальное, государственное и историческое “я”.

Выработка такой глобальной АЛЬТЕРНАТИВЫ является главным содержанием будущего развития России, основой нашей глобальной стратегии, нашего цивилизационного исторического пути.

-Большой Евразийский Проект

Точнее всего назвать долгосрочный стратегический Русский Проект ЕВРАЗИЙСКИМ ПРОЕКТОМ, поскольку Евразийская Идея соединяет в себе сразу два понятия — специфику самобытной русской цивилизации и большой проект творческого утверждения целого веера цивилизационных тенденций народов Евразии (шире всего мира), стремящихся отстоять свою собственную правду перед лицом нивелирующего мондиалистского наступления.

Евразийство, Евразийский Проект в полной мере отражают сущностную ориентацию России как государства, русских как народа. В то же время это означает и наднациональный, стратегический союз стран и культур, объединенных общей исторической миссией, призванных вступить в драматическое столкновения с надвигающимся на планету “мировым порядком” под эгидой Запада. В новом евразийстве воплощается извечная русская воля к универсальному идеалу, к осуществлению высокой спасительной миссии по утверждения идеалов Добра и Справедливости.

Национальные интересы России имеют планетарный исторический масштаб. Это составляет специфику русской истории. Так было в прошлом, так должно быть в будущем. Но чтобы добиться этого, России необходимо, не жалея сил, отстоять в грозном зловещем “новом мире” свое место и свое право на жизнь, на стратегическую, экономическую и политическую суверенность.

Часть3

Русский путь - альтернатива “новому мировому порядку”

Спектр национальных интересов России в новом мире.

Отправная точка проекта

Стратегия России в следующем веке — шире, в будущем — должна исходить из следующего фундаментального принципа: *верность историческим константам национального пути*, отстаивание исторической уникальности России и русских как государства и народа, как особой культуры и особой цивилизации, с одной стороны, и эффективное и *своевременное участие в динамике новой мировой реальности*, адекватная реакция на основные тренды мирового развития (на всех уровнях), с тем, чтобы сознательно и планомерно стремительно усваивать и развивать одни направления, переориентировать в своих интересах другие и разумно, качественно и успешно противостоять третьим.

Россия не может смотреть только в прошлое, тем более это прошлое крайне противоречиво и само нуждается в новом, синтетическом, резюмирующем осмыслении. Но она не может и игнорировать свой собственный путь, пренебрегать его вехами, отказываться от наследия (не всегда положительного), завещанного предыдущими поколениями.

Россия не может некритически воспринимать все параметры новой картины мира, надвигающейся вместе с новым столетием и тысячелетием. Ее реакция на новые условия человеческого существования в рамках глобализирующейся цивилизации *не должна быть сведена к простой адаптации*. Тем более, что по множеству параметров эта новая нарождающаяся цивилизация основывается на отрицании того, в чем заключалась историческая миссия России и русских. Пассивная позиция России в новом мире, покорность и имитация означали бы не просто снижение градуса исторических амбиций, но фактически полное *самоуничтожение*, окончательный и бесповоротный уход с арены мировой истории. Теряя свою историческую сущность, отказываясь от исполнения своего цивилизационного предназначения, *Россия*

просто перестанет существовать. И следующий век пройдет мимо нее и без нее.

Чего, естественно, допустить нельзя ни в коем случае.

Геополитический уровень: Евразийская стратегия.

- утверждение евразийской цивилизации как глобальной альтернативы атлантизму

Ответом на глобализацию атлантистской модели, на создание “единого мира” под эгидой Запада Россия должна ответить выдвижением *Евразийского Проекта*. Евразийский проект сводится к последовательному утверждению следующей геополитической истины: сведение разнообразия культур и цивилизаций к единой унифицирующей модели противоестественно и аморально. Каждая культура, каждый народ имеет право следовать своим собственным историческим путем. Поэтому справедливым миром может быть только многополярный мир, в котором силовые центры геополитики находятся в состоянии динамического баланса. *Унификация мира под эгидой атлантизма*, современной цивилизации Запада (и особенно США) — это явление принято называть “мондиализмом” — *никогда не приведет к реальной многополярности* и всегда будет жестко *централизовано* (по меньшей мере в мировоззренческом, экономическом и культурном смыслах).

Единственным способом избежать тоталитаризма Запада является создание *новой двухполюсной системы стратегического баланса*, отправляясь от которой следует двигаться к *реальной многополярности*.

У Евразии есть историческое предназначение: уравновешивать атлантистский вектор, создавая тем самым геополитическое пространство для свободы выбора странам “Третьего мира”, всем народам земли.

Главным геополитическим приоритетом России в грядущем столетии (тысячелетии) является создание *евразийского стратегического блока* — с гибким и дифференцированным мировоззрением и многоуровневым членством — в качестве *противовеса* атлантистским и мондиалистским тенденциям в глобальном масштабе.

В отличие от предыдущих эпох осью такого блока должно быть не мировоззрение и не специфика экономической системы или политического устройства, но *геополитические и стратегические принципы, цивилизационные императивы.*

Россия должно до конца осознать себя как *“географическая ось истории*”, как *ядро Евразии* и с полной ответственностью утвердить на новом этапе и в новых терминах глобальный масштаб своего исторического и цивилизационного предназначения (с учетом ошибок и заблуждений предшествующих исторических периодов).

- многополярный мир

В далекой перспективе необходимо ориентироваться на создание подлинного свободного и справедливого *многополярного мира*, органически складывающегося вокруг многообразных культурных, цивилизационных, социальных и исторических центров. Богатство человечества напрямую связано *с многообразием цивилизаций*, которое должно быть не только сохранено, но и *заново утверждено*. Сама Евразия в лучшие периоды своей истории отличалась именно этим “имперским” многообразием, где стратегическое и геополитическое единство сочеталось с созвездием органичных и культурно автономных частей. Евразийский полюс изначально должен складываться как оплот цивилизационного освобождения, чтобы грядущая многополярность стала естественным и желательным для Евразии результатом временного возврата к двухполюсной модели.

Следовательно, сама структура нового евразийского блока должна изначально нести в себе зародыши культурного *плюрализма, дифференциализма, многообразия, “цветущей сложности*”. В таком случае грядущее становление подлинно многополярного мира будет *органическим продолжением евразийской линии,* противодействующей унифицирующей одномерной логике атлантизма.

- ложная и истинная многополюсность

В XX веке все три глобальные силы, претендующие на универсализацию своей модели в планетарном масштабе (либеральный мир, советский лагерь и национал-социалистические проекты Гитлера), предлагали *одномерные* решения с централистской идеологией и жесткой унификацией. Современный Запад вышел из геополитического противостояния победителем, и стремится к тому, чтобы реализовать свой собственный вариант мондиализма. Атлантистский проект менее откровенен, нежели коммунистические или нацистские планы, и подчас скрывает свою унитарную природу под видимостью “многополюсности”. Чаще всего аргументом служит сохранение геоэкономических зон и наличие некоторых архаических черт азиатских обществ,

вполне освоивших (на первый взгляд) политико-экономические механизмы западной системы.

Такая многополярность является *фиктивной*, так как она отрицает самодостаточную историческую ценность культур, цивилизаций, религий, социальных и политических организмов (отличающихся от вектора развития Запада), и жестко пресекает всякие попытки спроецировать эту специфику на серьезные стратегические проекты. Специфике обществ отводится *маргинальная*, чисто номинальная роль экзотического колорита, полностью оторванного от основных силовых линий социально-политического бытия, где должны доминировать узкие и одномерные *либеральные атлантистские схемы*. По мере развития информационного общества по образцу Запада всякая историческая специфика цивилизаций будет окончательно стерта. Это, кстати, затронет и сами народы Запада, особенно Европы, которые обречены на окончательную утрату своего исторического лица.

Истинно многополюсный мир возможен только *вопреки атлантизму*, через его сдерживание, и в перспективе через его преодоление. Либеральный проект — последнее наследие XX века, в котором доминировал *тоталитарный принцип*. Скрытой формой такого тоталитаризма и является *мондиализм*. Истинная многополярность возможно только *при отказе от универсалистского подхода к человеческому и цивилизационному фактору*.

Следовательно, истинная многополярность, — позволяющая народам, государствам и обществам идти своей собственной дорогой в политике, экономике, культуре, религии, общественном устройстве, промышленном развитии и т.д. — без оглядки на “универсального единоличного арбитра”, способна сложиться только через *образование альтернативного атлантизму полюса,* через постепенное *увеличение масштаба его стратегической мощи* и *локализацию атлантистских проектов в естественных границах* того региона, где эта модель *исторически* сформировалась.

- евразийские стратегические союзы

Реализация Евразийского Проекта предполагает серию шагов, направленных на повышение стратегической значимости и самостоятельного веса России. Никакое другое Государство по геополитическим причинам не способно с тать осью *евразийского блока*. Россия занимает географически *центральное* место в Евразии, обладает стратегическим

потенциалом, достаточным для обеспечения успешного старта интеграционных процессов на первом этапе.

Для России жизненно необходимо руководствоваться во внешней и внутренней политике единственным императивом, которому должно быть подчинено все остальное — *императивом* создания Евразийского Союза.

минимальный: пост-советская интеграция

Минимальным масштабом евразийской интеграции или ее первым этапом должно стать стратегическое воссоединение стран СНГ (бывших советских республик) в общую стратегическую конструкцию, *объединенную сознанием единства геополитических интересов и общностью стратегической и цивилизационной судьбы*. Интеграция стран СНГ в новое, более сплоченное стратегически образование должна основываться на глобальных геополитических задачах, а не на сиюминутных социально-экономических интересах и раскладе сил в политических элитах. Судьбоносное значение Евразийского Проекта настолько масштабно, что несравнимо превосходит баланс практических плюсов и минусов, возникающих при такой интеграции, заведомо выше политических и психологических портретов лидеров и партий, находящихся в данный момент у власти.

Геополитическое объединение СНГ (возможно на первом этапе за исключением тех государств, которые слишком глубоко втянулись в атлантистские механизмы) должно осознаваться как исполнение евразийского предназначения, а не произвол одной политической или идеологической группировки. По этой причине *единство геополитических целей* должно объединять между собой и *правящие* режимы и *оппозицию*, и *элиты* истеблишмента и революционные *контр-элиты*.

От реальной интеграции СНГ зависит история человечества, возможность установления многополюсного мира. Следовательно, узкополитические разногласия должны отступать на второй план перед грандиозностью этого проекта, а политико-социальные коллизии — объективно неизбежные в любом обществе — ни в коем случае *не должны простираться на сферу общего стратегического курса*, который ни при каких обстоятельствах не может ставиться в зависимость от перипетий межпартийной борьбы или социальных трений.

Именно так строится геополитическая преемственность атлантистских элит США, которые оспаривая — подчас весьма бурно — тактические вопросы, политические проблемы методы, решения, никогда при этом не ставят под вопрос то, что в Америке называют “Manifest Destiny”, т.е. “явственное предназначение”.

Евразия имеет по всем параметрам *аналогичное* призвание и предназначение, *столь же глобальное, но противоположное по знаку.*

И исполнение этого евразийского предназначения должно сплотить элиты СНГ на первом поворотном этапе нового утверждения евразийского блока.

континентальный блок

Следующий этап Евразийского Проекта, который может реализовываться параллельно стратегической интеграции СНГ, заключается в создании *единого стратегического союза с евразийскими Государствами,* жизненно заинтересованными в создании альтернативы единоличному планетарному господству США и стран атлантистского Запада. Такими странами являются некоторые арабские государства Ближнего Востока и Северной Африки, Иран, Индия, Китай, другие

дальневосточные страны, входящие в Тихоокеанскую зону.

Эти страны обладают древней культурой, развитыми религиозными системами, сложной и специфической социально-политической структурой. Их экономический уклад представляет собой своеобразное соцветие формаций и систем. Большинство этих стран имеют свой собственный исторический проект, выражающийся в терминах цивилизации, культуры, политики, социального и национального своеобразия. Не всегда этот проект гармонично соответствует проектам соседних держав и цивилизаций, но *они едины в противостоянии атлантистскому универсализму, в отрицании либерального мондиалистского нивелирования, в отвержении единоличного господства США*. На основании принципа *общего отрицания* все эти элементы могут быть вовлечены в *масштабный континентальный блок*.

В дальнейшем из этой широко дифференцированной плюральной картины будет создаваться многополярная реальность на базе общего Евразийского Пути.

Европа и Япония

Интеграция в рамках СНГ, создание евразийского стратегического блока представляют собой *предварительные* шаги к активной планетарной стратегии Евразии, без которых стратегическая цивилизационная альтернатива не будет обладать достаточным наполнением.

Следующим этапом (который также может в основных чертах подготавливаться безотлагательно и параллельно двум другим) является *активная геополитическая линия в Европе и Японии*. Европа и Япония представляют собой важнейшие стратегические “береговые зоны”, контроль над которыми обеспечивает атлантизму (США) *устойчивое превосходство* над потенциальной евразийской цивилизацией.

По этой причине окончательная судьба Евразии будет зависеть от успешной *нейтрализации* Европы и Японии, от их вывода из-под *стратегического контроля США* и их *последующего включения в общеевразийский проект.*

Только в таком объеме — включая Европу и весь тихоокеанский регион вместе с Японией — Евразийский Проект будет вполне закончен и способен оказывать на общепланетарные процессы решающее влияние.

цель: цивилизационное спонсирование новой многополярной планетарной реальности

Глобальная геополитическая задача России состоит в создании *многополярного мира*, в стратегическом спонсировании такого мира. Переход к нему как к плюральной и многообразной альтернативе одномерному атлантистскому мондиализму будет возможен лишь в ходе реализации *всех трех этапов* Евразийского Проекта.

Многополярный свободный мир, с цветущей сложностью культур и цивилизаций — высший *геополитический идеал* России, ее призвание, ее предназначение.

Политический уровень: органическая демократия, евразийский федерализм

- демократия как альтернатива либерализму

Демократические формы правления представляются оптимальными для грядущей России. Важно разделять западную либерал-демократическую систему, основанную на индивидуализме и чисто количественном подходе, *от иных форм демократии*, более свойственных евразийским обществам. Некоторые социологические школы, чтобы подчеркнуть различие, говорят о “*демотии*” или “*органической демократии*”, описывая такие политические системы, который основаны на *качественном* подходе. Либеральная демократия постепенно тяготеет к тому, чтобы отождествиться с либерализмом *и упразднить всякое представление о*

“народе” (“демосе”) как о *едином целом*. “Органическая демократия”, напротив, ставит акцент *именно на этом целом*, осознанном как историческое единство, объединенное общей географией, общей историей, общей культурой, общим цивилизационным проектом, общей судьбой.

Именно такая *общность народа как исторического организма и должна быть основой политической власти в России*. Либеральному дроблению народов на атомарные единицы с чисто количественным голосом Евразийский Проект противопоставляет концепцию *качественной демократии*, при которой во главе угла стоит *принцип суверенности народа как единого целого*, подчиняющий себе все остальные политические аспекты.

- соучастие

Либеральная демократия постепенно ведет к отчуждению граждан от сферы политики, которая становится делом особого социального класса профессиональных менеджеров. Мало помалу сама область политики, выборов, референдумов превращается в “зрелище”, сродни обычным рекламным компаниям товаров и услуг. Формально сохраняя принцип свободного политического волеизъявления граждан, либеральная система сводит его практически на нет через использование социальных и информационных технологий, подменяющих искусным внушением *реальную политическую волю* граждан.

Евразийская политическая модель должна быть, напротив, основана на императиве *соучастия* всего общества в принятии основополагающих исторических решений, на подлинном народовластии.

Соучастие народа в своей собственной судьбе — так определяется подлинная демократия. Это соучастие может реализовываться различными способами. Так как Россия представляет собой масштабное стратегическое образование, управление ее стратегическим потенциалом должно быть сосредоточено в руках небольшой группы или отдельного лица, как бы он не назывался — президентом, монархом, Высшим Советом, вождем и т.д. Такая *персонификация власти* не противоречит принципу органической демократии в том случае, если общий вектор деятельности высшего лица (группы лиц) Государства соответствует основному направлению исторического развития, *основывается на константах национального бытия*. При этом критерием оценки адекватности (или неадекватности) главы Государства должна быть не просто эффективность в реализации своих функций и должностных обязанностей, но в первую очередь *лояльность “большому проекту” народа*, служение исторической миссии Государства.

На базовом уровне “органическая демократия” предполагает широкую и гибкую систему автономного самоуправления, соотнесенную с культурными, религиозными и профессиональными традициями конкретных коллективов. В некотором смысле можно соотнести эту модель с аналогом Советов. Здесь должны действовать принципы “прямой демократии”, механизмы коллективной выработки решений, имеющих локальное политическое значение и вписанных в конкретику региона.

Между стратегическим унитарными принципом верховной власти и дифференцированным плюрализмом автономных групп на низовом уровне, должна существовать гибкая система *политической координации* в лице органов исполнительной и законодательной власти промежуточного уровня, осуществляющих *координацию волеизъявления общин со стратегической линией центрального руководства.*

Соучастие будет максимально эффективным в том случае, если высшие инстанции в Государстве будут контролировать только те аспекты политической жизни, которые имеют стратегическое значение, как то:

- сохранение территориальной целостности Государства;

- обеспечение его суверенности и независимости;

- планирование развития стратегических секторов промышленности и экономики;

- обеспечение правовых норм граждан;

- отстаивание интересов России в мировом масштабе и т.д.,

а в остальных нестратегических вопросах разнообразным общественным низовым образованиям будет предоставлена *максимальная автономия*, самостоятельность, право самим определять параметры политического бытия на локальном уровне.

- евразийский центризм

Политологическая идентичность России предопределяет тот мировоззренческий политический вектор, который должен быть принят за *ось политического Центра*. Этот вектор предполагает сочетание принципа *социальной справедливости и социальной экономики* (левая экономика, социализм) *с ценностным консерватизмом и культурным традиционализмом* в чисто политической ориентированности Государства (правая политика,

консерватизм). Это сочетание “левых” и “правых” элементов в определении российской идеи политического Центра *обратно* тому, как аналогичные элементы сочетаются в либеральной политике Запада, где политический Центр основан на сочетании “*свободного рынка*” (правая экономика, либерал-капитализм) с *модернизмом, новаторством и антитрадиционализмом политической сфере*, а также на уровне этики, культуры, религии (левая политика, прогрессизм).

Вокруг основополагающей линии евразийского политического Центра могут динамически развиваться политические фланги — правый и левый, т.е. партийные, фракционные и иные политические образования, отклоняющиеся от центристской линии в том или ином направлении. При этом они будут ограничены *лояльностью общему историческому проекту России*, наиболее полно отраженному в *позиции Центра*. Переход определенной черты в сторону альтернативной политологической модели будет равнозначен *политической маргинализации*. При этом терпимость Центра в отношении даже самых крайних, экстремистских и ли экстравагантных проектов (приближенных к либеральной политологической модели) будет *напрямую зависеть от напряженности геополитической конфронтации с атлантизмом*. Если ситуация в международной жизни будет благоприятной для России, политическая терпимость к либеральным и экстремистским политическим образованиям будет возрастать. В сложные периоды активной конфронтации, эта терпимость, напротив, должна становиться минимальной.

- третий путь

Сочетание *умеренно социалистических элементов в экономике и консервативных государственнических традиционалистских тенденций в политике* принято называть моделью “*третьего пути*”, чтобы отличать как от обычного социализма (марксистского толка, где наличествует сочетание левой экономики с левой политикой), так и от правых диктаторских режимов (где политический консерватизм сочетается с рыночными механизмами и всевластием финансовой олигархии). “Третий путь” в той или иной его интерпретации наиболее точно соответствует политической истории России. Более того, внимательный анализ смены правых и левых режимов в российской истории обнаруживает, что эти революционные процессы протекали вокруг общей оси, то удаляясь от нее, то сближаясь с ней. Эта ось и представляет собой не проявленный до поры *абсолютный политический Центр*, чья политологическая конфигурация тождественна модели “*третьего пути*”. Следовательно, выбор политической

системы “третьего пути” как основополагающей будет осознанным и ответственным, судьбоносным шагом по окончательному принятию Россией своей мировоззренческой эстафеты в области политики в ее наиболее общем, универсальном и всеобъемлющем варианте. И если такой переход к теории “третьего пути” осуществится, будут ликвидированы основные предпосылки драматического, революционного противостояния, жестоких разрушительных переворотов и экстремистских пертурбаций, окрашивающих русскую. политическую историю в кровавые тона. “Третий путь” является единственным гарантом от грядущих революций, гражданских войн и восстаний, которые снова могут разделить Россию на враждующие лагеря в том случае, если такого выбора не произойдет.

Осознанное и явное принятие в качестве основополагающей тенденции политического Центра той модели, которая была скрытым ядром российской политической истории, будет означать *реальное политическое согласие, долгосрочную стабильность и внутриполитический мир*.

- евразийский федерализм

Масштабность исторической миссии России, призванной воспрепятствовать становлению “нового мирового порядка” и выдвинуть ему глобальную альтернативу, предполагает создание такого политического устройства в ней самой, которое было максимально *открыто* для вовлечения в евразийский блок других народов и государств с иной культурной, цивилизационной, политической, религиозной и хозяйственной историей. Для этого в самой России общеполитическая структура должна быть *максимально приближенной к модели грядущего евразийского континентального образования*. Это означает выстраивание системы “евразийского федерализма“, основной характеристикой которого должно быть сочетания стратегического унитаризма в централизованном управлении и широкого разнообразия политической, социальной, правовой и хозяйственной организации составных частей.

Евразийский федерализм предполагает политическое и административное устройство *радикально отличное от модели государства-нации*, которая лежит в основе современных западных держав. В государстве-нации существует строгий политический централизм, языковая и культурная однородность, всеобщая обязательность единой правовой, конституционной, политической и экономической системы. Предполагается, что государство-нация представляет собой единый *монокультурный* блок, состоящий из *атомарных* граждан, обладающих *равным*

гражданским статусом перед лицом унитарной государственной системы.

Евразийский федерализм основан на совершенно *иной* предпосылке. В нем четко разделяются два понятия — *стратегический унитаризм и этно-культурный, региональный широкий плюрализм*. Государство политически является *единым* в смысле осуществления уникальной исторической миссии, общего геополитического “большого проекта”. Но это единство не обычной страны, но целой цивилизации, не рядового государственного образования, но освободительной “демократической империи” нового типа. Поэтому солидарность на уровне планетарной судьбы сопровождается широчайшей дифференциацией на уровне составных частей, развитой культурной и религиозной автономией. Россия даже в сегодняшнем ее виде сохранила отчетливо *федеративные* черты, основные признаки “империи”, состоящей из целого созвездия чрезвычайно разнородных в этническом, социальном, культурном и географическом смысле регионов. Каждый регион представляет собой *самостоятельную систему* с целым рядом уникальных, неповторимых черт. Эта специфика этнической, социальной, правовой и общественной мозаичности должна отражаться и на политическом уровне, как широкое федеративное объединение *коллективных субъектов* различного статуса и уровня. В основе определения единиц федерального пространства должен лежать не административно-территориальный признак (как в централистских государствах-нациях), но гибкая система критериев, учитывающая целый комплекс культурной, социальной, исторической, экономической, этнической идентичности. Причем федеральный субъект, играющий структурообразующую роль в формировании Государства должен воспроизводить *федерально-демократическую* модель и на внутреннем уровне, т.е. представлять собой не ограниченный аналог государства-нации в малом масштабе (как это имеет место в случае отделившихся от России новообразовавшихся республик, и национальных и территориально-административных образований, стремящихся сегодня к повышению своей политической автономии, вплоть до сепаратизма), но *мини-империю* с широчайшим спектром внутренних коллективных субъектов, структурообразующих, в свою очередь, для самого субъекта большой федерации. И так далее вплоть до самоуправления рабочих коллективов, исполнительных органов местных общин и Советов.

Такое внутреннее федеративное устройство облегчит России стратегические союзы с иными державами, потенциальными участниками континентального евразийского блока. В случае заключения таких союзов федеративный принцип будет сохраняться неприкосновенным, но конфигурация федеративного пространства расширяться (в том случае, если

стратегическая интеграция будет очень тесной). Таким образом будут решены все спорные территориальные проблемы, сплошь и рядом препятствующие установлению тесных союзных взаимоотношений между соседними государствами. Если по примеру России соседние страны и потенциальные участники евразийского блока пойдут на развитие федерализма внутри своих государств, то просторы Евразийского Союза органично и естественно начнут разрастаться, поскольку наличие широких культурных и религиозных автономий будет не ослаблять традиционные государства, постоянно угрожая сепаратизмом и военными конфликтами, но, напротив, укреплять стратегический блок, в котором многие малые народы и культурные ансамбли получат долгожданную возможность воссоединения в *единое органическое целое* и тем самым станут связующим элементом, изменив свою сегодняшнюю (разрушительную) геополитическую миссию на прямо противоположную. Для многонациональной Евразии такой широкий федералистский подход был бы идеальным решением.

В еще более отдаленной перспективе евразийский федерализм смог бы стать привлекательной политической моделью в мировом масштабе, представляя собой политическую альтернативу мондиалистской нивелировке "нового мирового порядка".

Экономический уровень: автаркия больших пространств

- евразийский принцип "экономического плюрализма"

Евразийская экономическая модель основана на принципе*, противоположном либеральному универсализму*, постулатам т.н. "классической школы" экономики. Каждая историческая общность имеет *свою собственную уникальную историю экономического развития*, особую структуру хозяйственного организма. Система критериев, согласно которым оценивается эффективность экономики, параметры ее достижений или недостатков, не может быть оторвана от *исторического, социального и культурного контекста* данного общества. Классическая школа западной экономической мысли исходит из ошибочной предпосылки относительно того, что экономическое развитие *всех* народов и государств двигается *в одном направлении* и *по одной и той же траектории*, только с *разными темпами*. На этом убеждении основывается представление "о *несомненных* преимуществах западной экономической модели, как наиболее продвинутого этапа в реализации общих для всех народов экономической модели". Отталкиваясь от этого убеждения Запад, считает себя в праве выступать экономическим арбитром в мировом масштабе,

навязывая всем остальным ту систему экономических критериев, которые отражают логику развития экономических систем западных стран.

Евразийская экономическая модель исходит *из противоположного принципа — невозможности оценки хозяйственных систем различных народов отправляясь от общего абстрактного критерия и в отрыве от исторической и культурной реальности*. Против *экономического монизма* либеральной политэкономии евразийское мировоззрение выставляет концепцию *экономического плюрализма*. На практике это означает, что мировая экономическая система состоит из отдельных суверенных хозяйственных единиц, развивающихся по своей внутренней логике и не могущих быть оцененными, исходя из какой-то общей теории. Точно так же как невозможно доказать на основании абстрактных критериев превосходство одной культуры над другой, истинность одной конфессии в сравнении с иной конфессией, преимущества одной расы над другой, *так же невозможно обосновать преимущество одной системы хозяйствования над другой*, поскольку это означало бы *перечеркивание самобытной экономической истории каждого конкретного народа и государства*.

Традиционные хозяйственные комплексы архаических племен столь же эффективны, сбалансированы и адекватны в рамках своего исторического и культурного контекста, как и развитые промышленные технологические комплексы западного мира. *Хозяйственная экономическая специфика отражает культурную особость*. Задача евразийской экономики гарантировать в рамках своей доминации *суверенность, сохранение и органическое развитие* всех существующих экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов. Экономический плюрализм евразийской модели на хозяйственном уровне отражает *принцип многополярности*, к которой ориентирована евразийская геополитика.

- создание развитой автаркийной экономической системы смешанного типа (многоукладность)

Экономический вектор развития России должен органично согласовываться с базовым геополитическим и стратегическим ориентиром ее развития, т.е. с Евразийским Проектом. Совершенно очевидно, что следование за абстрактными догмами чисто экономических идеологий — будь-то марксизм или либерализм — *уводит Россию от ее судьбы* в лабиринты

схоластики и гражданских конфликтов.

Более того, либерализм, как и марксизм настаивают на *экономической унификации*, нивелировке хозяйственных процессов. Естественное развитие хозяйства России в будущем должно осуществляться на базе комплексного подхода с учетом как *экономических*, так и *неэкономических* факторов.

Стратегический императив евразийской линии требует встраивания экономики в режим "расширенной автаркии", в перспективе континентального масштаба. Это нео-кейнсианская модель "*экономической инсуляции*" или модернизированная версия "*таможенного союза*".

Эта экономическая модель предполагает *частичную открытость* экономики (в отношении стратегических союзников) и наличие *экономических барьеров* перед лицом хозяйственных систем тех стран, которые входят в противостоящий стратегический блок.

Вторым императивом развития российской экономики является требование *обязательной многоукладности*, дифференцированного сочетания различных экономических систем — от государственного контроля (в стратегических областях) до свободного рынка (в мелком и среднем производстве, системе торговли, услуг) через разнообразные системы коллективного хозяйствования (кооперативы, акционированные предприятия и т.д.)

- кейнсианство для Евразии, "евразийская экономическая инсуляция"

Экономическая модель, наиболее ответствующая современной Евразии с учетом основополагающего цивилизационного фактора, это *модель кейнсианская*, ставящая во главу угла соблюдение стратегических приоритетов евразийского ансамбля государств и

наций. При определении ориентации экономических реформ акцент должен ставиться не просто на достижении максимальной экономической эффективности, но на общецивилизационном и социальном контексте, в интересах которых и должны по логике вещей осуществляться эти реформы. А поскольку этот контекст по своим основополагающим векторам не просто отличен, но *во многом противоположен* атлантистской либеральной системе, “новому мировому порядку”, то главной задачей является создание “*евразийского экономического острова*”, обладающего относительной *автаркией*. Это предполагает патерналистский вариант экономики, необходимый на всем периоде экономического развития Евразии. При этом развитие базовых секторов промышленности, информационной системы, сельского хозяйства и особенно высоких технологий должны быть главнейшей задачей *центральной власти*, ответственной за стратегические вопросы. *Рыночная стихия*, совершенно необходимая в ряде областей экономики — мелкое и среднее производство, сфера услуг и т.д. — должна комбинироваться с *государственным сектором*. Проблема занятости должна решаться на стратегически государственном, а не только рыночном уровне. Паразитический класс рантье должен быть маргинализирован перед лицом производительных социальных групп предпринимателей и работников, получающих заработную плату в частных и государственных предприятиях (т.н. “салариат”).

- евразийские финансы

России необходимо встроить свою собственную валюту в *общий планетарный финансовый контекст*. Сделать это возможно тремя путями:

1) *привязав ее к доллару* (являющемуся де факто мировой резервной валютой),

2) *привязав ее к валютам других крупных геоэкономических регионов* (европейскому или тихоокеанскому),

3) *создав собственную геофинансовую систему* в рамках обширного евразийского таможенного союза, т.н. “евразийский рубль”.

Первый вариант *отпадает в силу стратегических причин*, так как делает евразийскую экономику России зависимой от атлантистского геополитического полюса (что самоубийственно). Второй и третий варианты могут реализовываться параллельно с *приоритетом* выхода на перспективу “евразийского рубля”. Обеспечением “евразийского рубля” могут быть не только промышленно-экономические структуры, но *вся совокупность геополитического, ресурсного и стратегического потенциала Евразии*, с особым акцентом на сферу российских ядерных вооружений и иных новейших военных технологий, оцененных в финансовом эквиваленте *по степени масштабности силового потенциала*. Именно по такой логике США в послевоенном мире добились доминирования в капиталистическом лагере, переведя свое силовое стратегическое превосходство в эквивалент финансовой доминации доллара как мировой резервной валюты, переоценив стратегическое силовое превосходство в финансовом эквиваленте и именно в результате такой операции обеспечив бурный экономический рост. Россия в рамках евразийского стратегического блока вполне может повторить данную схему и привязать свою валюту, “евразийский рубль”, к сохранению и развитию *военного стратегического потенциала, осознанного как гарантия свободы и независимости других евразийских держав от неоколониальной диктатуры “нового мирового порядка*”.

- модернизация

Перед Евразией стоит важнейшая задача перехода к новой *технологической* и *экономической инфраструктуре*, к радикальной модернизации сферы

производства и финансовых технологий. Проблема модернизации должна решаться под знаком *творческой адаптации новейших высоких технологий* к потребностям российского Государства с соблюдением стратегических приоритетов. Частичная открытость в сфере обмена технологиями, необходимая для динамического развития хозяйства и конкурентной стимуляции отечественных разработок, а также для доступа к патентному рынку, должна строго контролироваться централизованными органами, чтобы не допустить технологической зависимости от внешних инновационных и патентных систем. Инновационная сфера должна приоритетно поощряться на централизованном уровне, а импорт высоких технологий и производств, на них основанных, регулироваться специальными экспертными структурами. В этой сфере необходим принцип "*модернизации без вестернизации*" — эффективного развития высоких технологий и модернизации информационно-промышленной области без впадания в зависимость от атлантистского геополитического полюса.

- распределение труда в рамках континентального блока

Современное экономическое устройство достигает максимальной эффективности за счет *распределения труда в мировом масштабе*. Различные геоэкономические зоны, специализируясь на определенных областях, оптимизируют усилия и конечную отдачу. Богатый Север сосредоточен на развитии финансовых технологий и создании оригинальных ноу-хау, патентных образцов. Тихоокеанский регион постепенно становится зоной индустриального исполнения. Остальные зоны рассматриваются в атлантистском видении "нового мирового порядка" как экономически недоразвитые и поставщики ресурсов. Задача Евразии создать *альтернативную модель планетарного распределения труда,* основанную на более справедливом и гармоничном принципе. Неизбежная профильная дифференциация не должна быть основана на логике эксплуатации и экономического доминирования одной из зон. Распределение труда в континентальном блоке должно исходить из требования *обеспечения автаркии как евразийского целого, так и его отдельных частей*. Планетарная модель "нового мирового порядка" с доминированием Запада должна быть воспроизведена на ограниченном евразийском пространстве, с заменой принципа *оптимизационной эксплуатации* на принцип *солидарности развития*. Неизбежное гео-этническое распределение труда в рамках Евразии должно быть ориентировано на грядущее освобождение народов Евразии *от гнета экономического императива*. На переходном этапе разумно обратиться к дифференциации евразийских зон по следующим параметрам: инновационная, выскотехнологическая зона и стратегический интеллектуальный потенциал —

западные области Евразии; индустриальная зона — Средняя Евразия; ресурсные территории — Восток и Север. Такая геоэкономическая стратификация Евразии должна рассматриваться *как временная*, с дальней целью гармоничного распределения баланса через *социальное развитие северо-восточных областей, поиска инновационных моделей энергообеспечения*, которое сможет релятивизировать представление о природных ресурсах, а также через постепенное *продление промышленной зоны в юго-восточном и северо-западном направлениях* евразийского материка.

- интеграция разных скоростей

Различные сектора евразийского пространства находятся на различных стадиях экономического развития. Интенсивное участие этих секторов в общем евразийском блоке предполагает выработку дифференцированной экономической модели интеграции. Сверхзадача евразийской экономики — *модернизировать* слаборазвитые экономически области богатые ресурсами и *равномерно распределить* промышленные зоны, а также *децентрировать* инновационный потенциал. В условиях новейших информационных технологий это представляется вполне реальным. Модель евразийской экономики должна, отправляясь от экономической данности, представляющей собой явное экономическое неравенство фрагментов евразийского ансамбля, стремиться к гомогенизации экономики на всем пространстве континента. Экономическая интеграция при этом с необходимостью должна реализовываться на разных скоростях, как промежуточный этап создания более однородной экономической среды.

- патерналистская модель

Для осуществления евразийского экономического проекта необходимо активное содействие Государства. Государство должно взять на себя всю полноту ответственности за исторический цивилизационный выбор. На практике это означает, что Россия как Государство должна осознать свои экономические проблемы и вектора развития в *контексте глобальной исторической миссии* и взять на себя ответственность за хозяйственную сферу в исторической перспективе. Это предполагает *солидарность политической и экономической элиты* в реализации исторических задач Евразии. *Патернализм*, как сугубая протекция государственных инстанций развитию национального предпринимательства, экономических областей, непосредственно сопряженных с уровнем

геополитического статуса Государства, *должен быть стать нормой*. Налоговые, юридические, коммерческие и иные льготы стратегическим секторам национальной экономики, ориентирующимся на внутренние ресурсы, должны быть законодательно гарантированы. Те области хозяйства (производства, торговли, сферы услуг и т.д.), которые напрямую связаны с цивилизационными интересами Государства, должны быть поставлены в привилегированные условия, получить льготные ассигнования, кредиты, налоговые сетки, таможенные квоты и т.д. от Государства.

- мобилизационная экономика

Для выхода на оптимальный режим функционирования хозяйства необходим переходный период, в котором экономика будет развиваться *в мобилизационном режиме*. Это означает *прямой государственный контроль* за всеми стратегически важными секторами хозяйства — в первую очередь, в сфере ВПК, информационных технологий, стратегических производств и т.д. Финансовая ситуация в стране должна контролироваться Центробанком и рядом крупных коммерческих банков, соучаствующих в стратегических инстанциях. Либерализация должна происходить постепенно и плавно по мере реализации основных задач, диктуемых требованиями автаркии.

Геоэкономический уровень: четвертая зона, прагматическое участие в мировой виртуальной экономике

- четвертая зона,

Главной экономической задачей России является создание *самостоятельной экономической актаркийной сплошной зоны в пределах Евразии*. Четвертая евразийская зона — наряду с тремя существующими: Американской, Европейский и Тихоокеанской — должна объединить в общее хозяйственное пространство территория стран СНГ, ряд восточно-европейских и азиатских стран, заинтересованных в стратегической самостоятельности перед лицом экономического диктата “богатого Севера”. Потенциальными участниками *четвертой зоны* могут быть страны с различными системами хозяйства, что предполагает экономическую интеграцию разных скоростей в зависимости от специфики данного региона или страны. *Четвертая экономическая зона* должна ориентироваться на приоритетное взаимодействие с соседними экономическими пространствами — европейским и тихоокеанским с дальней целью противодействия американской гегемонии в мировом масштабе и нормализации экономического баланса на

территории всей планеты. Уже первые шаги по реализации четвертой зоны изменит экономический баланс между высокотехнологическими, промышленными и ресурсопоставляющими регионами, подорвет однозначную доминацию “богатого Севера” и колониальную эксплуатацию “бедного Юга”.

- участие в планетарных геоэкономических процессах с целью придать им евразийское цивилизационное направление

Финансово-экономическая система России не может *игнорировать складывающуюся виртуальную экономику мирового уровня*, перевод экономического потенциала в сферу информационных технологий и электронных бирж. В далекой перспективе евразийский курс должен привести к релятивизации (а то и отмене) такой виртуальной финансовой системы и возвращение к приоритетам реального сектора, долгосрочных инвестиций и конкретного производства материальных благ, к переходу от виртуального капитала к реальному, созидательному и организующему менеджменту. Но на переходном этапе Россия должна *соучаствовать в мировой виртуальной экономике*, путем делегирования особых брокерских групп, находящихся под строгим стратегическим контролем высших государственных инстанций, для освоения новейших технологий и по возможности приданию глобальным трендам *направления, стратегически усиливающего позиции евразийской геоэкономики.*

Промышленный уровень: евразийская модернизация в рамках континентального “таможенного союза”

- информатизация

Создание *четвертой зоны* требует радикальной *модернизации* отечественной промышленности, масштабного и планомерного внедрения высоких технологий в ключевые сферы стратегического производства. В основе такой модернизации должна лежать система *информатизации, связи и транспорта*, которые составляют осевую реальность *постиндустриального этапа развития экономики*. Благодаря масштабной информатизации многочисленные проблемы организации производства, сбыта и распределения, а также процессы экономической интеграции и распределения труда в рамках евразийской зоны будут успешно решены. Информатизация за счет гибкости технологий может внедряться как в высокотехнологичные процессы, так и в некоторые традиционные сферы экономики, повсюду многократно повышая эффективность. Планомерная и всеобщая информатизация должна стать стратегическим приоритетом Государства. В

вопросе создания солидарной системы евразийского таможенного союза информатизация будет играть центральную роль, и успех такого союза будет в немалой степени зависеть именно от нее.

- регионализация

Интеграционные процессы в евразийской экономике должны сопровождаться повышением значения отдельных регионов, степени их *административной и хозяйственной самостоятельности*. Промышленные зоны должны интегрироваться в общее евразийское хозяйственное поле не декретным образом, а *через органичные и естественные горизонтальные связи*, воспроизводящие на экономическом уровне систему федеративного устройства. Контроль из центра должен затрагивать исключительно стратегические сферы, задавать общие параметры экономики, а конкретные пути реализации общих задач по развитию промышленности должны решаться на низовом уровне.

- создание замкнутых промышленных циклов, привязанных к локальным пространствам

Распределение труда в рамках четвертой зоны не предполагает централизации управления производством. Промышленные массивы должны основываться на использовании *локальных* инфраструктур и ресурсных возможностей. Такая организация частично замкнутых промышленных циклов с привязкой к локальной системе необходима для повышения устойчивости обще-евразийской хозяйственной модели и повышения уровня промышленной безопасности. Промышленные комплексы в такой ситуации должны становиться ядром социальных ансамблей с учетом этнической, демографической, религиозной и культурной специфики населения.

- экологический ценз промышленных производств

Экологический фактор должен быть включен на приоритетных началах в экспертные оценки промышленных проектов, а также его учет необходим в вопросах реструктурализации существующих производств. Вероятность экологической катастрофы в настоящих условиях возрастает, и в этой ситуации сохранение экосистем становится важнейшим элементом стратегической безопасности.

Культурный уровень: сохранение наследия, евразийский синтез

- сохранение многообразия культурного наследия

На уровне культуры главной задачей Евразийского Проекта России является утверждение *плюральной, многоуровневой, дифференцированной модели*, альтернативной схемам одномерной унификации, предлагаемый сторонниками "глобализма под эгидой Запада". Однородное общество потребления, сверстанное по американскому образцу и основанное на индивидуализме, неизбежно приводит к искоренению культурного, социального, религиозного, этнического многообразия. Россия должна сформулировать в мировом масштабе свою миссию — гаранта "цветущей сложности", форпоста охранительного отношения естественного многообразия человеческих цивилизационных ансамблей. Утверждение и сохранение реального исторического многообразия культурного бытия народов и государств есть высшая цель Евразийского Проекта России на цивилизационном уровне.

- постмодерн Востока

Общий характер пост-модерна представляет сущностную характеристику развития человеческой цивилизации, и по этой причине волюнтаристический отказ от пост-модерна не возможен, как невозможно было в своей время игнорировать вызов Нового Времени (модерна), брошенный традиционным обществам. Особенно это касается стран и народов, претендующих на активное соучастие в определении исторического пути человечества (а Россия, безусловно, относится к числу таких "великих держав", которым далеко не безразлична судьба всего человечества). По этой причине Россия *должна освоить параметры постмодерна*, но использовать их в своих собственных исторических целях, переформулировав в пост-модернистических терминах свою историческую миссию (подобно тому, как советский период был формулировкой той же миссии в терминах Нового Времени, модерна). Это зарождающееся культурное направление, имеющее колоссальные перспективы, принято условно называть "постмодерном Востока" (или "дифференциированным постмодерном"), в отличие от "постмодерна Запада" (или "универсалистского постмодерна"). Если "постмодерн" Запада представляет собой "конец истории" и экстравагантное наложение обессмысленных внутренне разнородных этических массивов при отсутствии ценностного центра, то "постмодерн Востока" представляет собой возврат к синтетическому, интегральному стилю, воссоздающему на новом историческом уровне

цельность, свойственную традиционным обществам.

- новая евразийская культурология

Новая евразийская культурология должна быть основана на концептуальном освоении и развитии основных предпосылок “постмодерна Востока”, как нового синтетического метода культурного анализа, признающего *равноправность и равноценность культур, принадлежащих к различным временным и географическим секторам*. Новая евразийская культурология отказывается от “расистского”, “супрематистского” деления культур на “развитые” и “неразвитые”, “прогрессивные” и “архаические”, на “цивилизованные” и “нецивилизованные”. Каждая культура должна оцениваться в системе координат, свойственных ей самой, а не какой-то абстрактной внешней модели, претендующей на истину в последней инстанции. Такая евразийская культурология должны стать *антитезой* завуалированному “культурному расизму”, практикуемому атлантизмом.

- полилог культур как субъектов

В евразийском мироустройстве основным историческим субъектом является не индивидуум, но общность, этнос, культура, социальное органическое образование. Поэтому принципом культурного взаимодействия различных частей Евразии должен быть сложный, динамичный и открытый *полилог культур*, выступающих не как несовершенные образования, подлежащие абстрактному механическому усовершенствованию на основании абстрактной схемы, но как *последние и высшие инстанции*, образующие в своем общении многомерную ткань *разнообразного, органического живого мира*.

- отказ от культурной нивелировки

Россия должна стать *центром и полюсом масштабной культурной революции*, представляющей собой *альтернативу* атлантистской культурной нивелировке в едином, суррогатном стиле, копирующем “американский образ жизни”. Общечеловеческое значение культурной миссии России в Евразийском Проекте состоит в том, чтобы способствовать развитию дифференцированного, свободного и *культурно многополярного* мира. В этом смысле континентальный проект Евразии приобретает мировое значение, как отправная черта глобальной

культурной альтернативы “новому мировому порядку” и безраздельной доминации атлантизма.

- широкий консервативный плюрализм

Сохранение и развитие культурной множественности как в рамках России, так и в более широком масштабе — в рамках Евразии и в пределе всего мира — есть специфика Евразийского Проекта, своего рода *консервативный плюрализм*. В таком культурном плюрализме речь идет о сохранении (“консервации”) основного фермента культур, об обязательном *соотнесении динамического развития*, в котором воплощается жизненное начало общества*, с основными глубинными параметрами его традиционного ядра. В таком приоритетном отношении к Традиции заключается основная особенность “постмодерна Востока”*.

Социальный уровень: социально ориентированное общество, глубинная экология

- евразийский социализм

В противоположность абсолютизированной либеральной модели, заложенной в экономическом фундаменте “нового мирового порядка”, Евразийский Проект предполагает обращение к широкому спектру социально ориентированных моделей общественного устройства, которые иногда совокупно называют “социализмом” или “социально ориентированным обществом”. Социальная среда является естественной средой обитания человека, и в основных своих параметрах человек определяется именно *принадлежностью к определенной общности.* В отличие от догматического марксизма эта общность может пониматься очень широко — и как культурный тип, и как общность коллективного бессознательного, и как этническая идентичность, и как религиозная конфессия, и как социально-историческая формация, и как классово-профессиональная принадлежность и т.д. Все эти социальные параметры могут быть учтены в общей сводной модели, которую, условно, можно назвать “евразийским социализмом”, свободным от догматики, творческим, открытым, вбирающим в себя как традиционные формы социальной идентификации, так и новые социальные образования, складывающиеся в современных условиях. Евразийская социальность отнюдь не исключает ценности индивидуума и тем более не отрицает определенные элементы рыночного хозяйствования. Речь идет *об общем духе*, о приоритетной ориентации общественного устройства, где в экономической, социальной, научной и политической областях поощряются модели, основанные на принципе *обобщенного субъекта,* и главной базовой инстанцией является *органический коллектив* старого или нового типа.

- новое экологическое сознание

Евразийское общество должно строится на глубинном учете экологического фактора. Свойственное эпохе модерна отношение к среде обитания как к пассивной, безжизненной декорации, которую активный человек волен верстать по своему собственному произволу, привело человечество на грань *глобальной катастрофы*. Такой подход по инерции наследуют и архитекторы "нового мирового порядка". Евразийская социальность должна быть основана на прямо противоположной предпосылке*: на приоритетном учете фактора глубинной экологии*. Это подразумевает особое отношение к окружающей среде, как к живой, содержательной, смыслообразующей реальности, в которой человеку отведено особое место и придана особая ответственность за соблюдение тончайшего баланса между составляющими всего природного ансамбля. Евразийское общество должно строиться на основании внимательного осмысления природной среды, на гармонии с ней, на аккуратном встраивании в существующие экосистемы и крайне деликатное манипулирование с ними. *Экологическое сознание должно стать доминирующим типом сознания.*

- новое охранительство и "консервативная революция"

Евразийское общество должно основываться на охранительном, консервативном принципе. Но это относится не к политическим институтам — и особенно к тем, которые несут на себе печать модерна — а к глубинным культурным и психологическим установкам, предопределяющим идентичность народов, государств и общин. *Тщательному сохранению подлежат сущностные глубинные установки этнической психологии*, выступающие в разные периоды истории в разном, подчас внешне противоположном, оформлении. Такое *глубинное охранительство* нисколько не противоречит активной социальной динамике, так как объективный ход истории требует постоянной адаптации сущностных идентификационных элементов к меняющимся условиям. Система само собой возникающих новых вызовов требует активного социального творчества, но последний субъект этого творчества, меняясь и трансформируясь, должен сохранить *свою высшую идентичность*. Такое сочетание *охранительного* (консервативного) и *творческого* (революционного) начала определяется как *"консервативная революция"*.

Религиозный уровень: консервация автохтонно евразийских религий — Православие, ислам, буддизм, остатки древних культов

- обнаружение вселенской миссии Православной Церкви

На религиозном уровне Евразийский Проект России предполагает сохранение и “огласительное” развитие духа Традиции, новое обращение к религиозным истокам человечества. В таком *“возвращении к истокам” заключается расширительно понятая религиозная миссия России*.

Осевой формой Традиции в Евразийском Проекте является *Православие*, Восточная Церковь, как носительница аутентичного христианского духа, сохраняющего всеохватывающий масштаб христианской традиции. Миссия Православия не является узкоэтнической, ограниченной каким-то конкретным регионом или историческим периодом. Эта миссия является вселенской. Русские традиционно ясно отдавали себе отчет в мессианском характере своей Веры, осознанно или интуитивно следовали вселенской тяге ко всеобщему утверждению Спасения, Добра и Справедливости. Для православного сознания “новый мировой порядок” отождествляется с “приходом антихриста”. По этой причине противодействие ему, утверждение глобальной религиозной, этической и мировоззренческой альтернативы, представляется не просто социальным, но *религиозным* долгом христианина. Острота эсхатологической идентификации “нового мирового порядка” с “князем мира сего” делает Православие осевой реальностью глобального религиозного сопротивления в мировом масштабе, так как в других традиционных религиях эсхатологический аспект выражен не столь ярко и акцентировано.

Православие становится религиозным геополитическим полюсом Евразийского Проекта. Но такое центральное место ни в коем случае не означает умаления ценности других традиционных евразийских конфессий.

- союз традиционных религий

Евразийские конфессии, будучи догматически различными и не сводимыми к общей схеме, имеют *ряд черт*, их сближающих. Это касается не столько догматической стороны, сколько *психологического типа* восточной религиозности — боле *созерцательной,* нежели деятельной, более *парадоксальной,* и нежели рационалистической, связанной более *с вечным аспектом вещей,* нежели с историческим процессом. Эти общие психологические черты дают основания *для союза традиционных евразийских конфессий* без того, чтобы смешивать их вероисповедные принципы или миссионерски навязывать неприемлемые другим богословские тезисы. Союз традиционных религий Евразии должен

представлять собой геополитическое, культурное соглашение, основанное на соблюдении суверенных прав конфессиональной свободы каждого народа и каждого человека.

- Христианство, ислам, буддизм, индуизм, даосизм, архаические культы

В Евразии доминируют христианство (Православие), ислам, буддизм, индуизм, конфуцианство, даосизм и некоторые локальные архаические культы. Евразийский союз религий должен быть основан на

- *культурной и геополитической координации* этих конфессий в вопросе проповеди;

- совместном урегулировании возможных *межконфессиональных конфликтов*;

- *развитии общего евразийского стиля религиозного традиционализма*, базирующегося на уважении прав других евразийских вероисповеданий.

Вырождению религиозного элемента на Западе до уровня практического материалистического атеизма, экстравагантным искусственных культам (часто тоталитарным) и “расистским” моделям католико-протестантского фундаментализма, основанного на открытой ненависти к евразийским религиям), Евразия должна противопоставить *новый традиционализм*, всеобщий солидарный возврат к религиозным корням.

Этнические тренды: сохранение этносов с отрицательной демографией, поддержание расового баланса

- необходимость специальной политики по охранению этносов как главной ценности истории

Народы, этносы являются главной ценностью и субъектами человеческой истории. Они живут в согласии с естественными органическими циклами, волнообразными мутациями и т.д. В определенные моменты своей истории этносы могут смешиваться, в другие — жестко сохранять свои характеристики. Этот процесс крайне деликатен, и любое вмешательство в него — искусственное смешение, искусственная изоляция, плановое переселение народов и т.д. ведет к колоссальным непоправимым катастрофам. При этом предлагаемая мондиализмом *модель всеобщего смешения народов и рас* столь же опасна, как дискредитировавшая себя *националистическая теория “расовой чистоты*”. В обоих случаях такие грубые проекты ведут к этноциду. *Евразийское отношение к этносу является охранительным*, исходит из принципа необходимости защиты каждой этнической

группы от перспективы исторического *исчезновения*. Это относится как к большим этносам, так и к народностям, насчитывающим всего несколько сотен представителей. Во *всех* случаях этносы подлежат *защите* как от догматиков *всеобщего смешения*, так и от агрессивных ксенофобских посягательств *националистов*. Евразийство как модель предполагает утверждение *этнического дифференциализма*, но при этом исключает "миксофобию" (неприязнь к смешению"). В определенные моменты и в определенных ситуациях этническое смешение неизбежно и позитивно (сами великороссы возникли как нация в ходе смешения славян с тюрками и уграми). Но его параметры и масштабы должны определяться естественно и органично, с максимальной деликатностью.

- созидательный дифференциализм и демография

Евразийский этнический плюрализм должен быть *созидательным*. В вопросе демографии должны реализовываться проекты, ориентированные на сохранение *положительного или нулевого* демографического баланса, чтобы предотвратить *исчезновение* этносов. Общая ответственность за континентальную судьбу Евразии у представителей различных этнических, религиозных, государственных и социальных элит должна проявляться в гибких соглашениях относительно этнической и демографической политики, с учетом всех факторов, традиционно влиятельных в каждом конкретном регионе и в рамках каждого конкретного этноса. Цель — совместные усилия по сохранению того этнического баланса в России и, шире, потенциальном евразийском блоке, который существует *на настоящий день* с экстренным исправлением некоторых катастрофических тенденций, угрожающих вырождением и исчезновением отдельных народов (особенно русского народа, осевого для всей евразийской конструкции).

- трансверсальное отношение к миксологическим процессам — открытость на уровне элит, ограничение на уровне масс

Гибкая модель *евразийского дифференциализма* самым общим образом может быть структурирована по следующему принципу: *терпимое отношение к этническому смешению на уровне элит и осторожное на уровне масс*. При том, что выбор в индивидуальных случаях всегда остается открытым в соответствии с правами и свободами каждого отдельного гражданина. Именно такое отношение было характерно для этнического подхода в традиционных обществах, что во многом сформировало социальные модели поведения и современных народов. Такая модель

является органичной и естественной. Помимо всего прочего она будет способствовать универсализму и культурной широте взглядов управленческих элит Евразии, способных охватить этническое и культуре многообразие, но вместе с тем способствовать сохранению животворных этнических очагов, сохраняющих неизменными свою традиционную идентичность и формирующих новые кадры для общеевразийской элиты.

Кратополитический уровень: примат геополитических интересов Евразии надо всеми остальными параметрами, евразийский геополитический ценз

- цивилизационные приоритеты должны быть поставлены над национальными, государственными, конфессиональными

Евразийский Проект для России предполагает постановку геополитического и цивилизационного критерия надо всеми остальными. Вступая в XXI, век Россия входит *в решающую фазу цивилизационнного противостояния*, в которой окончательно определится — *победит ли окончательно и бесповоротно атлантистская модель мироустройства* со всей совокупностью тревожных религиозных, культурных, экономических, экологических и политических тенденций, которые она с собой несет, или *Евразия сумеет утвердить в планетарном масштабе глобальную альтернативу*, доказав свою собственную историческую правоту, оправдав свое евразийское, велико-континентальное предназначение? По этой причине сверхцель, сверхзадача самого исторического существования России приобретает отчетливые формы и сводится к исполнению ясно сформулированной ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МИССИИ. Геополитическое и цивилизационное измерение должно быть *мерилом и критерием* всех остальных сфер развития России — экономической, социальной, культурной, политической и т.д. Если удастся в ближайшее время отстоять эту миссию, заложить основы глобальной евразийской альтернативы “новому мировому порядку”, все остальные уровни будут постепенно развиваться, нормализовываться, приводиться к оптимальным условиям. Но на первых этапах все должно быть подчинено исключительно центральной геополитической задаче. При этом следует учитывать, что даже относительно эффективное развитие экономического, социального, культурного или политического сектора России *в отрыве от реализации главного геополитического цивилизационного Проекта* (или в ущерб ему) в средней и далекой перспективе не принесет никаких положительных результатов и только отложит на небольшой срок финальную катастрофу, которую с неизбежностью несет России установление “нового мирового порядка”.

- структура евразийских ВС

Евразийский Проект может быть реализован исключительно в том случае, если России удастся сохранить и упрочить свой ядерный и стратегический потенциал, сделать ряд прорывных шагов в области разработки и внедрения оружия нового поколения. Осуществить евразийскую альтернативу в эволюционном режиме, без вовлечения человечества в планетарную диктатуру, экологическую катастрофу и тотальную гражданскую войну мирового масштаба возможно лишь до тех пор, пока *баланс вооружений стран НАТО и России* (включая ее военных союзников — Беларусь и т.д.) *остается сопоставимым*, и угроза применения стратегических видов вооружения против стран НАТО может эффективно сдерживать неоколониальные планы атлантизма. Ядерное оружие, система российской ПРО, новейшие технологические разработки российского ВПК являются *главной предпосылкой* самой возможности исполнения Россией ее *исторической миссии*. В силу этого обстоятельства главной задачей России будет укрепление преимущественно *стратегического сектора* Вооруженных Сил, активизация разработок в сфере высоких технологий производства вооружений нового типа, поддержание боеспособности ВС, укрепление их структуры, модернизация системы управления и т.д. Российская армия и российский ВПК, их структурная реформа, активное упрочение и развитие должны быть главным приоритетом евразийского курса. *Судьба России, Евразии как цивилизации зависит напрямую от качества Вооруженных Сил*.

- военные союзы

Осевое значение российских Вооруженных Сил (и особенно их стратегического сектора) должно повлечь создание серии *военных союзов*, которые призваны обеспечить закрепление Евразийского блока на стратегически важных рубежах. Важнейшим из этих союзов является *Российско-Иранский военный альянс*, который впервые в истории смог бы открыть России выход к “теплым морям”, позволил бы размесить российское стратегическое оружие на южных берегах Евразии. Поскольку Иран стратегически ориентирован против доминации Запада и руководствуется в своей международной политике евразийскими приоритетами, объективные предпосылки для такого военного союза на лицо. В среднесрочной перспективе именно *военная ось Москва - Тегеран* способна организовать стратегическое пространство силового противодействия Западу над Ближнем Востоке, Кавказе и в Средней Азии.

Среди арабских стран военные союзы следует заключить *с Ираком, Сирией и Ливией*, что позволит Евразии получить важнейший рычаг контроля на Средиземноморским пространством.

В Восточной Европе важен военный союз с православной Сербией, а также желательно нейтрализовать (еще лучше привлечь на свою сторону) православные страны (Болгария, Румыния, Греция, Македония и т.д.), способствуя их отдалению от НАТО.

Другим важнейшим союзом является *военный альянс Москвы с Индией и Китаем*. (Хотя надеяться на прочные геополитические отношения с Китаем вряд ли возможно, так как у Москвы и Пекина слишком много стратегических противоречий, и вероятно в критической ситуации Китай выступит как береговая база атлантизма).

Параллельно заключению военных пактов в рамках Евразии необходимо активно *содействовать расколу единства в странах НАТО*, способствовать стратегической нейтрализации Среднеевропейского региона (шире, всей Европы) и Тихоокеанского региона.

Очень важно при заключении этих стратегических союзов демонстрировать, что речь идет не о религиозном, идеологическом, политическом сходстве участников Евразийского Блока, но о единственной общей цели — *противодействия атлантистской гегемонии*, единоличному установлению “нового мирового порядка” США и олигархическому “мировому правительству”. Следовательно, данный военный альянс преследует *оборонительную* и, самое главное, *освободительную цель*, обеспечивая собой *геополитическое условие суверенности всех государств и народов* перед лицом планетарного наступления мондиалистской модели, которая предполагает *лишить их этой суверенности.*

- евразийское развед-сообщество “нового типа”

Для выполнения эффективной евразийской политики Россия нуждается в глубоком *реформировании системы силовых ведомств и особенно разведывательных и контро-разведывательных служб*. Необходимо учредить *разведывательную структуру нового типа*, аналогичную геополитической разведке атлантизма, которая действовала бы также на надгосударственном и наднациональному ровне, руководствуясь не просто интересами России как Государства, но *геополитическими и цивилизационными приоритетами создания обширного Евразийского*

Блока. Основными направлениями деятельности такой геополитической разведслужбы должно стать:

1) Создание (или воссоздание) евразийского геополитического лобби в зарубежных странах и на самом Западе (с задействованием всех социальных, политических, культурных, религиозных и идеологических сил, которые по той или иной причине не согласны с установлением "нового мирового порядка", с тоталитарным главенством "либеральной идеологии" и т.д.)

2) Организацию постоянного проевразийского, интеграционного тренда в среде политической, культурной и экономической элиты стран, являющихся потенциальными союзниками России в Евразийском блоке.

3) Оперативное определение, идентификация, изоляция и устранение групп атлантистского геополитического влияния, которые действуют в России, других дружественных нам евразийских державах.

- манипулирование хаотическими процессами

Вероятность в будущем хаотических процессов в мировом масштабе, связанных с социальныпми,экологическими, техническими, псхилогическими катастрофами, оценивается атлантистскими экспертами как спектр "новых вызовов" американской доминации и устойчивости "нового мирового порядка". Хаотический фактор, таким образом, становится важным инструментом для осуществления евразийской стратегии. Искусственное *манипулирование* с этим фактором, контролируемое и ограниченное его использование в стратегических целях представляет собой важнейшее направление стратегических разработок евразийского Проекта в его кратополитической (силовой) части.

Юридический уровень: "права народов"

- переход к концепции "прав народов"

Евразийский Проект требует *масштабного пересмотра* основных юридических категорий, доминирующих в западном мире, и в первую очередь осевой для атлантистской цивилизации концепции "*прав человека*". Юридическая теория "прав человека" как основы всеобщего права является завершающим этапом утверждения на Западе *философии индивидуализма*. Концепция "прав человека" неотделима от остальных фундаментальных трендов

“нового мирового порядка” и является его юридическим выражением. Евразийская альтернатива берет за основу радикально иную правовую концепцию — концепцию “*прав народов*” или “прав общин”. *Понятие “народ” должно быть взято как основная юридическая категория*, как главный субъект международного и гражданского права. В такой модели возникает совершенно новая схема юридических взаимоотношений между гражданином и высшей законодательной инстанцией, традиционно связанной с Государством, но в условиях “нового мирового порядка” постепенно смещающаяся к инстанции “мирового правительства”.В центре евразийского права стоит народ, как основной юридический субъект. Гражданин, индивидуум юридически ответственен перед своим народом и исторически выработанным этим народом правовым укладом, основывающимся на учете многих факторов — религиозных, этнических, культурных и т.д. Этническая, религиозная и культурная принадлежность ставит гражданина в тот или иной дифференцированный правовой контекст. Сами народы в лице своих полномочных элитных инстанций (определяемых также по дифференцированному методу, на основании традиций) юридически подотчетны высшему стратегическому руководству геополитического блока — верховному органу евразийской федерации. Таким образом, юридическая модель евразийства представляет собой сочетание федеративного права, где полноправным субъектом евразийской федерации является “народ” и “стратегического права”, регулирующего взаимоотношение между субъектами федерации, с одной стороны, и между каждым из них и центральной инстанцией, с другой..

- “дифференцированная” юриспруденция

Евразийская правовая модель основывается на дифференцированном подходе к правовому гражданскому и уголовному кодексу, в зависимости от национального или регионального контекста. Особое внимание уделяется восстановлению основ религиозной юридической модели, сближающей конфессиональные, социальные и нравственные нормативы и придающей законодательной области вероисповедальный и этический характер. Вариации юридических уложений в различных этнических, культурных и конфессиональных контекстах могут крайне широкими и разнообразными. Лишь незначительная часть статей юридических документов будет затрагивать стратегический уровень. В первую очередь категорический императив каждого гражданина не зависимо от конфессиональной и этнической принадлежности оставаться *лояльным евразийскому Государству*.

- гео-правовая система, специальные кодексы для поликонфессиональных агломератов и мегаполисов

Помимо этноконфесиональной диверсификации правовой системы юридические вариации могут наличествовать и в законодательстве отдельных административных единиц, выделенных по региональному признаку. Кроме того, сложные многоэтнические и поликонфессиональные агломераты и мегаполисы, а также сектора с особыми социально-профессиональными характеристиками могут иметь в своих правовых кодексах существенные отличия, отражающие конкретную специфику.

- эко-правовая система.

Экологические факторы должны получить в евразийском праве важнейшее место, законодательным образом закрепив нормативы экологического подхода к окружающей среде.

Медиакратический уровень: евразийские СМИ

- СМИ под контролем Евразии

Влиятельность фактора средств массовой информации в современной реальности столь значительно, что эта область становится важнейшим *стратегическим* фактором. По этой причине Евразийский Проект в большой степени зависит от глубины контроля евразийского стратегического центра над системой российских СМИ и СМИ потенциальных участников Евразийского Блока, а также от эффективности проведения евразийской линии в общем потоке информации. В условиях “нового мирового порядка” *именно медиакратии отводится центральная роль социального программирования народонаселения земли для внедрения основополагающих цивилизационных установок мондиализма*. При этом мондиализация СМИ *предшествует* установлению “нового мирового порядка” на политическом уровне, предуготовляя его.

Евразийские СМИ должны выполнять *прямо противоположную функцию*, последовательно создавая психологическую базу для принятия альтернативного, Евразийского Проекта, причем проецируя это как на внутреннюю аудиторию, так и вовне. Евразийские СМИ должны иметь планетарный масштаб вещания.

- преимущество интерактивных СМИ нового поколения

Развитие информационных систем в скором времени приведет к повсеместному распространению интерактивных средств связи, типа сети ИНТЕРНЕТ. В интерактивной среде пользователь получает несравнимо большую свободу выбора источников информации, нежели в традиционных СМИ. Технологическое развитие интерактивных систем ведет к тому, что получатель информации постепенно приближается по техническому потенциалу к создателям и распространителям информации, что было исключено в условиях традиционных СМИ. Евразийский Проект должен учитывать этот технологический тренд, и наряду с эффективным использованием традиционных СМИ, необходимо заведомо *развивать евразийские сети интерактивной информации*, подготовляя логистическую платформу для создания “виртуальной Евразии” — системы интерактивных СМИ, консолидированно проводящих информационно-аналитическое, психологическое и культурное внедрение принципов евразийского сознания, альтернативных по отношению к клише “нового мирового порядка”.

-два этапа развития евразийских СМИ

На уровне общей стратегии евразийских СМИ следует выделить три этапа, которые могут осуществляться параллельно друг другу —

1) *противодействие мондиализации СМИ* по схемам атлантистского порядка (для этого эффективно использовать специфику регионального вещания и прессы, локализации, привязки к языковой среде, прямое противодействие и саботаж универсалистских проектов, типа CNN, BBC и т.д.)

2) *развитие национальных СМИ,* подконтрольных государственным инстанциям, связанным со стратегическим планированием

3) *создание планетарной альтернативной системы СМИ*, которая проводила бы евразийскую линию в информационно-аналитическом освещением основных событий.

К оглавлению

Часть 1 **ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ?** | Часть 3 **НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК**